

Оюдемт Давельчик

Рыдания усопших

11 тёмных историй

Людвиг Павельчик

Рыдания усопших (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8909182
Рыдания усопших: Издать Книгу; Москва; 2015*

Аннотация

„Рыдания усопших“ – калейдоскоп мистических загадок, черных открытий и страшных тайн. Месть и слезы, ведовство и предательство, каббала и некромантия переплелись на страницах книги и доставят истинное удовольствие поклонникам „черного“ жанра.

Казнивший жену неудачник, оскорбленный хозяин склепа, сумасшедший ученый, старый некромант и жертва крематория...

Каждая из 11-ти „темных историй“ предоставит читателю материал для раздумий в бессонные ночи и приоткроет дверь в мир неведомого.

Содержание

Графский венок	4
Он позвонит	122
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Рыдания усопших Людвиг Павельчик

Графский венок

Я сижу у окна. Из него мне видно, как по краю обрыва тщедушная лошадь тянет воз с какой-то поклажей, медленно поднимаясь к вершине рыжего холма. Оттуда дорога пойдет вниз, и лошади станет легче идти, но сейчас она выбивается из сил, стараясь угодить идущему рядом с ней хозяину и избежать очередного липкого удара хлыстом.

От холма рукой подать до Птичьей Скалы, серым монолитом возвышающейся над нашим участком берега и дающей приют тысячам крикливых чаек, облепивших ее своими гнездами и основавших на ней свое птичье государство. К пронзительным воплям этих дочерей свободы я привык за мою жизнь так же, как к собственному дыханию, и не замечая их. Внизу, у подножия скалы, плещется море, но отсюда мне его не слышно – оно спокойно, да и мои органы чувств не служат уж мне так, как раньше... Вот и лошадь, достигшая, наконец, вершины холма и начавшая спуск к старому кладбищу, представляется мне в сгущающемся сумраке лишь нечетким контуром, вырисовывающимся на фоне тусклого вечернего неба. Годы...

Передо мною лежит увядший веночек из тубероз. Его, завернутым в серую оберточную бумагу и тщательно уложенным в большую картонную коробку, сегодня перед обедом принес посыльный. Ни имени отправителя, ни каких-либо иных указаний на его личность я на коробке не обнаружил, а взятый мною на мушку парень-курьер лишь переминался с ноги на ногу и мямлил что-то невразумительное, ссылаясь то на нерадивость своих коллег, то на суровость начальника. Я отпустил его без чаевых и он, по-моему, не обиделся.

Веночек этот старый. Туберозы, из которых он сплетен – некогда белые, отдаленно напоминающие лилии цветы – за долгие годы превратились в гербарий, и лишь ловкость создавших его рук не позволяла венку рассыпаться.

Мне знаком этот веночек. Мало того – он принадлежит мне! Принадлежит с той самой минуты, когда она вознесла руки над моим челом, собираясь надеть его на меня...

Ах да! Вы не знаете, кто это – *она*? Ну, тогда я расскажу вам все по порядку, ибо воспоминания мои, хоть и утратили с годами эмоциональную живость, все еще четкие и ясные – они лишь мумифицировались, но сохранились, совсем как эти строгие, загадочные туберозы...

I

Теперь, когда я глубокий старик, и волосы мои давно покрыты инеем времени, мне трудно ассоциировать себя с тем

восторженным четырнадцатилетним юнцом, каким я был в то время, о котором пойдет речь. У того парнишки – безрассудно храброго и с алчностью юности смотревшего в будущее, были мои имя и фамилия, мой цвет глаз и мои родимые пятна, но не было еще ни беспокоящих воспоминаний, ни протеза в левой штанине, ни той беспробудной тоски в глазах, что так настораживала и пугала мою бедную жену, недавно покинувшую меня навеки. Не было у него еще и собственного дома, не было доли в небольшом нордхаузенском пароходстве, как не было и наглых кредиторов, потрясающих векселями и прочей чепухой перед его носом, на котором тогда проглядывали еще редкие веснушки, зато он обладал ценностями несравненно большими, а именно способностью радоваться каждому дню и искренне интересоваться окружающим миром, даром, которого мне уже не вернуть. Я словно вижу его весело скачущим по тропинке через дюны к морю – этот нежно-зеленый гибкий росток, из которого вырастет потом крепкий, могучий, но на удивление корявый и неказистый дуб, разочарованно разбрасывающийся желудями...

...В ту весну я рано закончил учебу – наставники мои с присущей их чинам важностью изрекли в мой адрес несколько скупых похвал и позволили мне отбыть домой уже в конце апреля. Это время, когда в нашем суровом краю только-только начинают проклевываться первые травяные стебельки, солнце становится ласковей и реки наполняют гу-

лом всю округу, стремясь побыстрее доставить грохочущие и наползающие друг на друга льдины к океану. Наскучавшие за зиму у печек деревенские девицы заливают окрестности звонким смехом, а тропинки студеной колодезной водой, расплескиваемой из носимых второпях ведер. Они уже предвкушают, как с наступлением первых по-настоящему теплых деньков избавятся от излишков одежды, а с ними и от давно обрыднувших остатков бывшего целомудрия, висящих на их юных шеях тяжким грузом. Весенняя деревня!

Однако же мне, вопреки ожиданиям, не представилось возможности поучаствовать в весеннем разгуле молодой горячей крови: сразу по приезду отец огорошил меня и огорчил, сообщив, что вынужден продать наш большой дом в пойме реки, чтобы рассчитаться с неожиданно – для меня, разумеется – появившимися долгами и «выйти сухим из воды». Я не очень вникал тогда в суть семейных проблем, для меня было гораздо важнее то, что планы мои – выпестованные и взлелеянные за долгую городскую зиму – рушатся так же, как речной апрельский лед, сгорают, словно дрова в печи, оставаясь лежать на дне моей ищущей активности и приключений души никчемной горкой серого пепла.

Все документы отец уже подготовил и все формальности утряс, так что отсрочки продажи дома, на которую я так надеялся, не предвиделось. Мне же он велел немедленно отправляться к деду – его отцу – и дожидаться вестей и дальнейших распоряжений там. Моему родителю – отставному военному,

за короткое время просадившему все свои сбережения за игрой в карты по злачным местам, доставляло, казалось, удовольствие проявлять властность в отношении зависимого от него подростка, каковым я тогда являлся. Это было понятно: ведь никто больше не стал бы слушать его приказов и следовать его указаниям! Даже его злая, терзающая окружающих жена, по несчастью являющаяся моей родной матерью, узнав о его бедственном финансовом положении перестала прикидываться верной и, уж тем более, послушной, пустившись в скитания по бескрайним полям ночной кабацкой романтики. Разумеется, это обстоятельство обозлило отца еще больше, и он был полон решимости в корне изменить свою судьбу и покарать всех тех, кого он считал виновными в его неудачах. По счастью, мне удалось не попасть в их список, поэтому касающиеся меня «меры пресечения» не распространились далее моей ссылки к престарелому родителю моего отца. Дальнейшее мое обучение, само собой, тоже стояло под большим вопросом, но я, предвкушая долгие каникулы, не очень-то волновался по этому поводу. Итак, прогулявшись последний раз по родным местам и попрощавшись с друзьями-подругами, число которых за зиму значительно поубавилось, я решил воспринимать неизбежное без лишних эмоций и попытаться найти смысл жизни (о юность! три месяца каникул казались мне тогда целой жизнью!) на том месте, куда мне предстояло отправиться, у деда в прибрежном поселке.

Теперь немного о самом моем деде. Отправляясь к нему той весной, я почти ничего не знал о нем, кроме того, что он после смерти жены много лет живет один, держит небольшую мастерскую по ремонту рыбацких баркасов и почему-то не любит моего отца. Последнее обстоятельство стало мне известно от матери и подлежало бы сомнению, если бы я сам не видел, с каким нежеланием отец говорит о своем детстве и отчем доме, словно воспоминания эти были ему крайне неприятны. Стоило мне завести разговор о деде, как отец тут же менял тему, а то и довольно резко осаживал меня, не позволяя «разглагольствовать в этом направлении». Правда, из всего этого еще нельзя было сделать вывод о нелюбви деда к своему сыну, зная своего родителя, я вполне мог предположить, что это именно он по каким-то одному ему известным причинам не желает поддерживать со стариком родственных отношений. Одним словом, в ту пору все это оставалось для меня загадкой.

Еще я знал, что дед мой всю свою жизнь прожил на море, в небольшом местечке, населенном главным образом рыбаками и близким им людом, навроде торговцев рыбой и снастями, заготовителей морепродуктов или вот, как мой дед, судоремонтников. По счастью, до живописной нищеты рыбацких поселков Хэмингуэя здесь не доходило, местному люду удавалось каким-то образом «держаться на плаву» и даже сносно существовать – приморский регион был богат не только дарами моря, но и прочими милостями природы: зер-

новыми, овощами да кое-каким зверем, так что жаловаться не приходилось. Единственный брат моего отца умер еще в отрочестве, а вслед за ним дед потерял и жену, не надолго пережившую сына. Горе ударило ему под дых, но, как ни странно, не сплотило с младшим его отпрыском – моим папашей, которому тогда было не больше четырнадцати. Дед не женился снова, ища утешения в угрюмой, однообразной работе, отцу же моему не оставалось ничего другого, как мечтать о том дне, когда станет возможным покинуть опустыленный отчий дом и никогда больше не видеть этого холодного моря, любви к которому он так и не набрался. Так и случилось: едва ему исполнилось шестнадцать, он объявил деду о своем решении стать военным и отправился в глубь материка, где поступил в соответствующее училище. Впрочем, контакт между ними не оборвался, и дед во время учебы поддерживал отпрыска материально, а затем даже взял на себя половину расходов по организации его свадьбы с моей матерью – дочерью промышленника средней руки, который, как впоследствии оказалось, рад был избавиться от непутевой дочери и даже определил ей некоторое приданое, чтобы мотивировать молодого простака – офицера. Все это, как вы понимаете, привело к появлению на свет меня.

Мать рассказывала, что дед приезжал посмотреть на внука, когда мне было месяцев шесть от роду, и даже отнесся ко мне довольно доброжелательно, назвав «своей кровью» и кольнув бородой щеку в неловкой попытке поцелуя. Все это

якобы растрогало отца, и он даже попытался наладить отношения с дедом, но из этого ничего не вышло – старик уехал на следующий день, и мы с ним больше не встречались. Однако теперь, когда мое присутствие дома стало на какое-то время нежелательным, отец вспомнил о расположении деда к единственному внуку и, связавшись с ним, испросил разрешения послать меня к нему, «пока все не утрясется». Дед свое согласие дал, и вот я, распрощавшись с родным краем и вооружившись горсткой своих детских амулетов и чаяний, отправился покорять морское побережье...

II

Век самолетов, автомобилей и прочих удобностей еще не наступил, и скрипучий, деревянный вагон шаткого поезда показался мне более чем быстрым и комфортабельным средством передвижения, тем более что я – привыкший к лошадям сын военного – не был избалован такого рода путешествиями. Задержки в пути, вагонная грязь (отец решил, что второго класса с меня достаточно) и постоянный сквозняк не вызывали у меня такого раздражения, как у моих попутчиков, один из которых – заросший бородой южанин средних лет – крыл и поезд, и персонал, и собственную мать отборными проклятиями, смысл которых непривычному уху трудно было уловить. В силу юного возраста и уличной закалки не имевший никаких недугов, я провел время в пути доста-

точно весело, наблюдая за окружающими меня людьми и за постепенной сменой ландшафта за окном вагона – знакомые мне леса и поля закончились, потянулись сухие песчаные пустоши с редкими островками растительности, говорящие о приближении к Северному морю. Наконец, мое путешествие закончилось; перепутать станцию было невозможно, потому что поезд дальше не шел, и я вместе с остальными пассажирами вышел на заплеванный и кишачий шмыгающими собаками перрон.

Дед – высокий худощавый старик с распущенными на манер Гомера длинными седыми волосами и лишенным всяких эмоций лицом – встретил меня на вокзале и, взяв за плечи, долго смотрел мне в лицо, словно надеясь разглядеть там всю мою подноготную. Мне стало неловко от такого откровенного рассматривания моей особы, но деда, похоже, не интересовали мои чувства. Медленно качнув головой, что могло означать что угодно, дед велел мне следовать за ним и направился к запряженной вороной масти лошадью бричке с кожаным верхом, стоявшей среди множества похожих. Подхватив свой нехитрый багаж, я засеменил следом, не очень-то, признаться, ободренный столь сухой встречей.

Всю дорогу до дома дед молчал, лишь однажды поинтересовавшись, дотерплю ли я до ужина. Я ответил, что дотерплю, и тема была исчерпана. Оставшуюся часть пути я смотрел в его поджарую, чуть сутулую спину и рисовал себе картинки моего «красочного» будущего.

Дом деда оказался простым, лишенным всяких претензий на роскошь и удобства строением, хотя и не таким убогим, какими мне показались лачуги рыбаков, живописно разбросанные вдоль побережья и по склонам песчаных холмов, тянувшихся, насколько хватало глаз. К дороге дом был повернут одним единственным небольшим окном, проглядывающим сквозь заросли какого-то кустарника, остальные же окна выходили на залив, охраняемый, словно сказочным Цербером, одиноко возвышавшейся над водой Птичьей Скалой, усеянной гнездами визгливых чаек. Сами же хозяйки гнезд носились, пронзительно крича, над берегом и прибрежными волнами, не то охотясь, не то просто дурачась, и их сливающийся в какофонию крик был, как мне показалось, единственным звуком, нарушающим тишину этого прибрежного царства. На темной глади залива я заметил несколько рыбацких лодок, но расстояние проглатывало звуки, и фигурки рыбаков, которые мне с трудом удалось разглядеть, представлялись мне нереально-пантомимными. При виде черных вод залива я поежился, а Птичья Скала, признаться, произвела на меня гнетущее впечатление. Да и вообще, в сыром, пахнущем морем и рыбой воздухе словно витала какая-то угроза, суть которой ускользала от моего понимания. Быть может, конечно, виной тому было мое детское воображение, но то, что чувствовал я себя здесь неуютно, было фактом. Помрачнев, я поспешил вслед за дедом в дом, где надеялся отвлечься от неприятных мыслей и отдохнуть с дороги.

Внутри пахло одиночеством и скорбью. На стене в прихожей отбивали свой вечный ритм старые часы ручной работы, огромный шкаф черного дерева врос в угол, а половицы, само наличие которых в этих краях свидетельствовало тогда об относительной состоятельности хозяина, скрипели в унисон с моими мрачными мыслями. Какое-то время я не мог решиться переступить порог этого жилища, однако дед поторопил меня взглядом и я, вздохнув, сделал шаг навстречу неизбежному.

Впрочем, комната моя, в которой, как сообщил мне дед, некогда обитал мой отец, оказалась не такой уж серой и мрачной, как я себе уж было представил. Должно быть, папаша старался как-то облагородить и оживить свои апартаменты, для чего затянул кованные козырьки старой кровати обрывками гобелена, а по стенам развесил пестрые картинки. Все это, правда, было уже довольно старым и требовало обновления, но даже и в таком виде комната меня устраивала, отчасти потому, что альтернативы у меня не было.

Из моего окна открывался унылый вид на Птичью Скалу и простирающуюся за нею до самого горизонта темную водную гладь. Северное море – не Адриатика, и его пейзажи скорее суровы, чем ласковы. Пустынные, поросшие островками кустарников дюны, черные волны, лижущие берег с равнодушием живущих в них угрюмых русалок, гнущиеся под порывами холодного ветра травы да несущиеся через соленые луга перекасти-поле скорее настраивают на меланхо-

лический лад, нежели побуждают к веселью и расслаблению, с которыми многие связывают морское побережье. Конечно, и здесь бывают теплые дни, но ими далекое, неприветливое солнце и ежащиеся по всему серому небу тучи балуют этот край не часто, словно охраняя его от излишнего любопытства праздных искателей развлечений.

Постояв у окна и полюбовавшись на суровые красоты берега, я откликнулся на зов деда и вышел в столовую, где он ждал меня к незатейливому ужину. Жестом предложив мне сесть, он кивнул на лежащую на скатерти круглую краюху хлеба да миску с каким-то сероватым содержимым, оказавшимся вареной крупой с кусочками рыбы. Я был голоден и с жадностью набросился на еду, нисколько не заботясь о тщательно привитых мне мамашей правилах хорошего тона и поведения за столом. Да и какие тут правила, когда кроме миски, ложки да хлебного ножа никаких предметов на столе не наблюдалось?

Дед же, казалось, был очень доволен моим этикетом – должно быть, он ожидал от меня жеманности и брезгливости в отношении предложенной им снеди, но, увидев, с какой готовностью я «вливаюсь» в его простой, почти рыбацкий, быт, успокоился и поглядывал теперь на меня расслабленно и даже с неким подобием улыбки на морщинистом лице, носившем те же ярко выраженные фамильные черты, что и наши с отцом физиономии. Видимо, дед тоже заметил мое с ним сходство, что добавило ему симпатии ко мне. Сам он к

еде не притронулся и лишь наблюдал за моей трапезой, не докучая мне расспросами, которых я, признаться, ожидал во множестве. Заметив, как я с некоторым недоумением рассматриваю зеленые сочные вкрапления в отхваченном мною от буханки добром куске хлеба, он, наконец, заговорил:

Морской салат. Один из видов зеленых водорослей. Горожане утверждают, что он очень полезен, но мы здесь используем его прежде всего для того, чтобы хлеб дольше оставался свежим и не черствел. Не каждый день соберешься его напечь...

А что же, дед, ты и хлеб сам печешь? решил я проявить интерес, заметив расположение старика ко мне.

Дед прищурился.

А ты, небось, думал, что у нас здесь хлебные да мясные лавки на каждом шагу? Не-ет, мальчонка, хлеб самим печь приходится, мяса ты теперь лишь во сне поешь, а рыбная лавка – вон она, под окнами плещется, дед кивнул в сторону окна, за которым виднелось море, только платить там нужно не монетой, а потом да мозолями, а то и жизнью.

Сказав это, он вдруг резко поднялся и, повернувшись ко мне спиной, занялся чем-то в углу комнаты. Видимо, тема разговора по какой-то причине не нравилась ему, и он продемонстрировал мне это в такой форме. Я тут же предпринял попытку вернуть его к беседе:

Если хочешь, дед, я сам займусь хлебом. Я научусь!

Придется, буркнул из угла старик. Всему придется на-

учиться: здесь нет маменьки, которая подотрет тебе сопли!

Я хотел было сказать, что не помню маменькиной о себе заботы и что он неверного мнения о моем воспитании, но промолчал. Какой толк в словах? Вот проживем вместе, дед и увидит, что я вовсе не разнеженный барский сынок и в состоянии вносить свою лепту в домашнее хозяйство... Перед мною встал образ расфуфыренной матери, порхающей у зеркала и ничего не видящей за своими нарядами, и я усмехнулся. Скажет тоже – «вытирать сопли»!

III

Так началась моя жизнь на побережье. Уже в самый первый мой день здесь я, испросив разрешения у старика и, получив в ответ лишь невразумительное хмыканье, отправился знакомиться с местностью. Пройдясь немного по холмистой пустоши, я убедился, что дом моего деда, несмотря на свою убогость – один из самых солидных в округе. Редко какая рыбацкая лачуга располагала двумя-тремя комнатенками, а уж о надворных постройках да конюшне и говорить нечего. Видимо, ремесло деда приносило ему доход несколько больший, чем рыбаку его промысел, да и капиталец кое-какой, если верить словам моей алчной до чужого добра мамы, у него имелся. Деревня же, хоть и не была нищей в общепринятом смысле этого слова, представляла собой яркий контраст к тому, что я доселе видывал; мои новые, окованные

металлом сапоги оказались здесь самой приличной обувью, а за фабричную замшевую куртку на плечах мне стало просто неудобно. Сами же люди оказались на редкость неразговорчивыми и на мои приветствия отвечали лишь сдержанными кивками, а то и вовсе не отвечали, спеша по своим делам. Впрочем, я не обижался, полагая, что причина того кроется отнюдь не в недружелюбии или неприязни, но в образе жизни и мышления сурового рыбацкого люда.

Однако, как только я оставил свои попытки сойтись с местным населением, судьба послала мне товарища. Вдоволь набродившись по утомительным с непривычки склонам холмов и поросшим стелющимся по земле кермеком дюнам, я решил завершить на сегодня свою исследовательскую деятельность, возвратиться домой и хорошенько выспаться, поскольку продолжительная езда в поезде и масса новых впечатлений способны утомить даже такой молодой и пышущий здоровьем организм, каким я тогда обладал. Дойдя до деревенской церквушки, я повернул назад, приняв за ориентир Птичью Скалу, которую видел сейчас с ее пологой, поросшей травой и кустарником стороны. Не пройдя и ста шагов, я заметил паренька примерно одного со мною возраста, сидящего на пригорке и старательного выстругивающего что-то перочинным ножом. От напряжения парнишка высунул кончик языка и казался настолько увлеченным своим занятием, что по сторонам не смотрел, так что я мог наблюдать за ним, оставаясь незамеченным.

Через какое-то время в его работе, видимо, что-то пошло наперекосяк, и мальчишка, забавно ругнувшись на местном диалекте, в сердцах отбросил испорченный поделок в сторону. Тут он, наконец, заметил меня и, нахмурившись, поднялся, всем своим видом давая понять, что не потерпит любопытства чужака и готов отстаивать свои права местного уроженца. Я же решил быть дружелюбным и не заводить себе врагов в первый же день, поэтому, чуть улыбнувшись и кивнув на выброшенный парнишкой кусочек дерева, спросил как можно приветливее:

Не вышло?

Тебе чего? огрызнулся он в духе своих односельчан и, шмыгнув носом, вдруг сообщил: Тролля хотел для Йонки вырезать, да вот ухо ему случайно отсек и... порезался, парнишка продемонстрировал мне указательный палец левой руки, который и правда был в крови. – Почти закончил уже, а тут...

Он с досадой махнул рукой и совсем по-детски сунул кровачатый палец себе в рот, останавливая кровь.

Кто это – Йонка? поинтересовался я безо всякой задней мысли, просто для того, чтобы сказать что-нибудь. Однако мой собеседник тут же насторожился:

Тебе чего? повторил он свою излюбленную фразу. Йонка – моя соседка и я...

Тут он спохватился и решил пойти «правильным» путем: А ты, вообще, кто такой?

Я из города. К деду приехал, да вот решил побродить здесь немного, осмотреться...

А чего здесь бродить? мальчишка, похоже, был искренне удивлен.

Так... Интересно.

А-а... Ну броди. А что за дед-то?

Я назвал. Мальчишка, отступив, снова уселся на свой пригорок и посмотрел на меня с любопытством.

Ты что ж это, правда к колдуну приехал? И он – твой дед?

Я несколько опешил, не ожидав такого поворота.

Он – мой дед. Но с чего ты взял, что он – колдун?

Хм... мальчишка пожал плечами. – Это всем известно. После того, как у него сын погиб, он свихнулся и колдует там чего-то, в церковь не ходит. Мать говорит, лет двести тому назад его сожгли бы или закопали живьем...

Погиб сын?

Ну, у него же двое их было – один вот погиб, а второй уехал потом. Ты, наверно, его сынок?

Наверно...

Я, по-прежнему недоумевая, опустился на пригорок рядом с мальчишкой и, не зная что сказать, принялся жевать стебелек солероса. То, что сказал мальчишка, было мне неприятно, но спорить я не мог, так как совсем не знал своего деда, как и того, чем он тут на самом деле занимается. А вдруг он и вправду колдун?

Паренек покряхтел немного, повздыхал, чувствуя, должно

быть, что огорошил приезжего ненужными подробностями, и, церемонно вытерев руку о штаны, протянул ее мне:

Меня Оле зовут. А тебя?

Ульф.

Хорошее имя. Наше, северное, верно?

Верно.

Если хочешь, Ульф, пойдем сейчас к моей матери и она расскажет тебе, какой твой дед злобный колдун!

А какое зло он творит?

Ну... – замялся Оле, вроде пока никакого, но от колдунов-то ничего хорошего ждать не приходится.

Это тебе тоже мать сказала?

Угу. Правда, Йонка говорит, что все это ерунда и старик просто не смог справиться со своим горем, но матери-то виднее...

Это точно.

В воздухе повисло молчание. Мы с Оле не были еще настолько знакомы, чтобы беззаботно болтать ни о чем, да и та тема, что уже была задета, требовала ясности. Не найдя, что сказать, мальчишка достал из кармана следующую заготовку для Йонкиного тролля и начал обрабатывать ее своим ножиком, правда, уже не с таким усердием, как прежде.

Послушай, Оле, а зачем твоей Йонке этот тролль?

Парнишка на секунду отвлекся от своего занятия и посмотрел на меня.

Не знаю... Она, наверное, обрадуется, и он будет ей талис-

маном. У Йонки никого нет кроме меня – так кто же, скажи на милость, вырежет ей тролля?

Это было логично. Если никого нет, то конечно...

Она что, сирота?

Да нет, она не сирота, просто все время одна и... дружит только со мной!

Мальчишка взглянул на меня с вызовом.

Я и не претендовал. Ни на его одинокую Йонку, ни на его дружбу, раз он такой тяжелый.

Знаешь, Оле, я, пожалуй, пойду. Скоро стемнеет, да и устал с дороги. Ты где живешь?

У дюны с той стороны Птичьей Скалы, отсюда недалеко.

Может, нам по пути? Ты еще не уходишь?

Не-а, посижу еще. Дома сейчас заделья нету, он вновь вернулся к своему поделку.

Ясно. Ну, до завтра.

Давай, не поднимая глаз, ответил мой странный новый знакомый.

Наверно, без тролля Йонке совсем плохо, подумал я и отправился восвояси.

IV

На следующее утро я проснулся как никогда бодрым и отдохнувшим. Не скажу, что раньше я спал плохо, но здоровая прохлада дедова жилища вкупе с целебным морским возду-

хом подействовала на меня как нельзя лучше, придав ясности моим мыслям и чистоты намерениям. Я принадлежу к числу тех людей, которые не нуждаются в роскоши обстановки и утонченных манерах окружающих для того, чтобы чувствовать себя комфортно, свежей постели и простой пищи мне, как правило, достаточно для этого. Я улыбнулся, представив, как отреагировала бы моя матушка, не обнаружив утром у своей кровати лохани с теплой, пахнущей розами или лимоном водой для умывания да французских кексов к позднему завтраку. Сказать, что чертям в аду стало бы тошно – значит не сказать ничего.

Я быстро поднялся, привел себя в порядок у висящего в прихожей умывальника, пригладил мокрыми ладонями волосы и, вооружившись детским любопытством и подростковой сдержанностью, вышел наружу. Деда нигде не было видно, и я решил, что он подался уже в свои мастерские, великодушно позволив мне в первое мое утро здесь поспать подольше.

Мне вспомнились вчерашние слова моего нового знакомого о том, что дед – колдун, и настроение мое несколько понизилось. Не могу сказать, что я принял сказанное Оле на веру, но должен был признать, что в поведении и образе жизни деда и впрямь было что-то странное, не сочетающееся с моими понятиями о существовании простого лодочного мастера и доброго христианина. Почему он, к примеру, не ходит в церковь, как другие? В нашем роду все были честными

лютеранами, и воскресное посещение храма являлось обязательным ритуалом! А его уединенное, стоящее особняком жилище? По вросшим в песчаную почву остаткам лачуг я понял, что раньше дедов дом был окружен соседями, но теперь все они предпочитали строиться и жить выше, на склонах холмов, в стороне от Птичьей Скалы. Хотя, подумалось мне, то, что дед избегает церкви, я слышал лишь от вчерашнего парнишки, а переселение рыбаков на пару сотен метров дальше по берегу могло иметь и другие причины, далекие от колдовских практик, что приписывает деду суеверная мать Оле... В общем, я решил до поры оставить эти размышления и вернуться к ним лишь тогда, когда буду обладать необходимой для трезвой оценки информацией. Что меня действительно заинтересовало, так это высказанное вчера молодым «викингом» утверждение о гибели брата моего отца, явившееся для меня полнейшей новостью. От матери я знал, что у отца был брат, который умер еще отроком или юношей, но тем моя информированность и исчерпывалась, о том, что этот человек погиб, мать не говорила, а сам отец никогда не заговаривал при мне на тему своей семьи. Поначалу я решил было, что при первом же удобном случае спрошу деда об этом, но потом, вспомнив слова Оле о страшных переживаниях старика по поводу смерти сына, якобы доведших его до «черного промысла», оставил эту затею и пообещал себе быть предельно осторожным с чувствами несчастного старца.

Размышляя обо всем этом, я не спеша шел вдоль морского берега в направлении рыбацкой пристани, осторожничая и соблюдая дистанцию к накатывающим на берег серым пенистым волнам, оставлявшим на гладком, вышлифованном ими песке ракушки и блеклые листики водорослей. Чайки кружили над Птичьей Скалой, и с того места, где я находился, мне была видна ее сплошь покрытая гнездами сторона, могучим обрывом уходящая в море. Отсюда это выглядело так, словно какой-то неведомый великан в незапамятные времена рассек пополам гору, а затем отбросил «морскую» ее половину в сторону, заставив Птичью Скалу нависать над Северным морем, высматривая в волнах разлученного с ней близнеца. Не знаю почему, но при виде этого исполина меня всякий раз охватывало неприятное чувство, заставляющее поеживаться и наводящее смутную тоску о чем-то, для чего я не мог подобрать определения. Быть может, причиной тому была моя боязнь высоты, которую я, в угоду своей подростковой спеси, скрывал от окружающих за маской лихой бравады? Ведь что еще в мире могло символизировать высоту и исходящую от нее опасность, как не обрыв Птичьей Скалы, от одного вида которого захватывало дух? Пожалуй, ничто на свете не могло бы заставить меня подойти к его краю!

Еще не дойдя до рыбацкого порта, я заметил небольшой баркас, подваливший к берегу и собирающийся швартоваться. Фигурки людей на его борту забавно суетились, перебрасывали друг другу какие-то не то веревки, не то канаты,

а опавший треугольный парус оголил раскачивающуюся из стороны в сторону вместе с лодкой мачту. Надо же – я лишь совсем недавно проснулся, а первые рыбаки уже вернулись из моря после утреннего лова! Интересно, есть ли у них там что-нибудь, кроме селедки? Я чуть добавил шагу.

В парнишке, спрыгнувшем на берег, я сразу узнал Оле – его длинный светлый чуб, в ином случае закрывающий поллица, ветер трепал, словно знамя, а рыбацкая тужурка с чужого плеча придавала его движениям неуклюжести, но, конечно же, только внешне – выросший на море и с ранних лет помогавший отцу в нелегком рыбацком деле паренек просто не мог быть таковым. Взгляните только, как ловко он перехватил канат и обмотал его вокруг вбитого в землю обрубка, какими отточенными, привычными движениями разматывал он деревянные ящики вдоль полосы прибоя и бросился назад в лодку, чтобы заняться разгрузкой, и вы поймете, что неуклюжестью здесь и не пахло. Выглядел Оле совсем взрослым, настоящим рыбаком, и трудно было поверить, что где-то в складках его пропитанной солью и морским ветром рубашки скрывается очередная заготовка для маленького тролля – будущего попутчика и талисмана красавицы Йонки. Я ска- зал «красавицы», ни разу не видев девочку, но это совсем неважно, ибо очевидно, что, даже окажись она горбатой и одноглазой, пылкое сердце юного викинга видит ее иначе, наделяя чертами, повторить которые природа уже не в состоянии.

Разумеется, это сейчас, с высоты своего возраста, я могу рассуждать об этих событиях подобным образом, тогда же я просто бросился вниз, к причалу, совсем по-мальчишески радуясь единственному, кроме деда, человеку, с которым я был знаком в этих местах.

Эй, Оле! закричал я, изо всех сил махая ему рукой, как здорово, что я тебя встретил! Надо поговорить!

Парнишка быстро взглянул на отца, который словно бы и не заметил моего появления и, откинув рукой лезущие в глаза волосы, степенно отвечивал:

Нашел время... Не видишь, что я занят?

Я не обиделся на эту его наигранную величавость. Занят, так занят.

Присев на какую-то корягу, я начал с интересом наблюдать за разгрузкой рыбацкой лодки, в которой, похоже, кроме сельди и макрели и впрямь ничего не было – должно быть, отец Оле специализировался именно на ней, и ячея сети не была рассчитана ни на что другое.

Минут через десять-пятнадцать, когда улов был разложен по ящикам и рыбаки разогнули, наконец, свои спины, Оле вдруг повернулся ко мне:

Слышь, Ульф, ты ешь сырую рыбу?

Сырую? переспросил я недоуменно, так как никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме кошек и японцев, ее ел.

Ну, не совсем сырую, засмеялся парнишка. – Скорее малосольную... В общем, подходи, если хочешь!

Я не заставил себя дважды просить (полагаю, что второго предложения и не последовало бы) и приблизился к рыбакам.

На перевернутом ящике был расстелен кусок ткани, на котором лежало несколько экземпляров отборной сельди. Надо сказать, что эти края славятся ею – крупной, мясистой, с совершенно своеобразным привкусом – духом Северного Моря.

Острым ножом Оле быстро, умеючи, распластал селедку, отделив голову и вынув крупные кости. Положив половину ее на ладонь, розовым мясом кверху, он щедро посыпал ее солью, а затем, взяв за хвостовой конец, запрокинул голову и целиком отправил себе в рот. Проглотив, он заулыбался и, посыпав солью вторую половину, протянул ее мне со словами:

Жаль, молока нет, было бы вкуснее.

Селедка с молоком? мне показалось, что парнишка смеется. – И... ничего не случится?

А что с тобой может случиться? – удивился Оле, и я понял, что он не шутит.

Позднее я убедился, что свежая, чуть присоленная сельдь со стаканом холодного молока – одно из величайших открытий мирового кулинарного искусства, если, конечно, можно отнести это «блюдо» к кулинарии.

Я повозился с рыбаками еще минут двадцать, помогая Оле ворочать и закрывать полотном ящики с рыбой: вот-

вот должна была прибыть подвода скупщика и забрать улов. Отец же моего нового приятеля разбирал тем временем сети и молчал, рыбаки, сдаются мне – самые молчаливые люди на свете, даже в компании гробовщика, пожалуй, веселее... Он ловко распутывал канаты сети и набрасывал ее сегмент за сегментом на специально предусмотренный для этой цели крюк в столбе для просушки. К нашей с Оле болтовне он, по-видимому, не прислушивался.

Ладно, спасибо тебе за угощение, мне пора, доложил я, вставая. – Дед, наверно, уже пришел с работы и хватится меня, я ведь не сказал, куда иду и когда вернусь.

Откуда пришел дед? – переспросил парнишка. – С работы?

Ну да... Когда я проснулся, его уже не было, и я решил... что он работает? закончил за меня фразу Оле и засмеялся.

В чем дело?

Да нет, ни в чем, он снова посерьезнел. – Просто дед твой давно уж ничем не занят, кроме... Кстати, где он, по-твоему, должен работать?

Ну, насколько я знаю, у него мастерская по ремонту рыбацких лодок... я кивнул в сторону какого-то сарая на берегу, в котором подозревал упомянутую мастерскую. – Разве это не так?

Тебя плохо информировали, мальчишка улыбнулся. – С ремонтом судов он и вправду связан, но иначе. Он – совла-

делец верфи в Нордхаузене, где, впрочем, ремонтируют не только рыбацкие суда, но и большие корабли. Там всем распоряжается управляющий, а дед твой лишь «снимает сливки», которые держит в банке. А ты и впрямь полагал его работягой?

Слова Оле были для меня откровением. Так вот, значит, почему мамаша так бесилась по поводу размолвки отца с дедом! Она-то, поди, ожидала с дедовой верфи дополнительно-го притока монеты для пополнения ее раздутого гардероба, да не тут-то было. Честно сказать, познакомившись с дедом, мне как-то не верилось, что сей суровый северный муж стал бы впустую разбрасываться деньгами, даже лобызайся он регулярно с сыном и снохой.

Я снова сел на ящик и посмотрел на Оле.

Ну, а где же он тогда? Может быть, поехал по делам?

Все дела его там, наверху, понизил вдруг голос юный рыбак и указал подбородком на холм, поросшая деревьями верхушка которого была видна из-за края ближайшей дюны. — Он уходит туда каждое утро с первыми лучами солнца и остается там до обеда. Кто говорит — молится, а мать моя утверждает, что колдует, заговаривает...

Что заговаривает? не понял я.

Не что, а кого... Мертвецов, конечно же... в глазах Оле читался неподдельный страх, он сглотнул и для верности отыскал глазами отца.

Мертвецов?

А кого же? Там, на холме, кладбище...

Правда?

А ты что же, думал, мы тут до сих пор покойников в болоте топим, как предки-викинги? съехидничал паренек. — Старик-то твой, говорят, раньше нормальный был, как все, но как сын его старший погиб, так он и того... Ходит теперь туда каждый день, сидит у его могилы и разговаривает с ним, а иной раз просто бродит по погосту, к камням надгробным как к людям обращается, то просит о чем-то, то спорит, вот некоторые и думают, что он их заговаривает, поднять против живых хочет...

Я человек ни в малой степени не суеверный, но, видя, насколько обыденной была идея поднятия покойников для Оле и каким страхом наполнились его глаза, когда он говорил об этом, я почувствовал себя неуютно. Оглянувшись, я долго смотрел на холм, приобретший для меня теперь совсем иной смысл, и старался угадать за деревьями очертания могильных камней.

Там что же, церковь?

Не-ет, церковь внизу, в поселке, а это вычурное строение — всего лишь ворота на кладбище. Не знаю, кому пришло в голову соорудить их в форме колокола, но... он снова понизил голос до шепота, кое-кто говорит, что он нет-нет да зазвонит, застонет в ненастную ночь после похорон, словно мертвый звонарь развлекается...

Я посмотрел на Оле с жалостью. До чего ж темные эти

неграмотные рыбаки!

Не веришь? от парнишки не укрылось мое скептическое отношение к его словам. Ну, так сегодня вечером будут хоронить старого датчанина, что вязал сети, вот тогда и послушаешь... Главное, не усни раньше времени, да в штаны не наложи!

Мальчишка казался обиженным.

Ну, а ты сам-то, Оле, слышал когда-нибудь?

Я-то? было видно, как хочется ему соврать, но он не стал делать этого. Не-е, не слышал, но раз старики говорят, значит, так оно и есть. Я несколько раз пытался дождаться звона, но то ли засыпаю слишком быстро, то ли нужна именно ненастная ночь, а как тут угадаешь? Поселок у нас небольшой, не каждый день кто-то помирает. Кстати, надо бы еще раз посмотреть на старого датчанина, прежде чем его вечером зароят. Он ничего, добрый был, учил меня фигурки из дерева вырезать...

Тут отец окликнул его, и Оле оставил меня одного.

Надо же! Куда ни отправься, на север ли, на юг ли, в чаще непроходимую, в пустыню или на берег моря, а нигде, похоже, люди не могут жить без страхов, которые сами себе придумывают! Кто-то говорил мне, и не без оснований, что вера и суеверия – плод неугасимой человеческой мечты о вечной жизни, на том ли, на этом ли свете, и всякие там «загробные» легенды – суть средство поддерживать в себе эту мечту, не дать ей угаснуть в прагматизме и всеотрица-

нии современного мира. Может, конечно, оно и так, но почему бы не наполнять эти легенды красотой и разноцветными прелестями рая вместо ужасов и темноты кишашей мерзостью его противоположности? Почему феи, эльфы и добрые старички-волшебники существуют лишь для глупых детей, «умудренные» же жизненным опытом взрослые развлекают себя монстрами, ожившими мертвецами или, вот, звонящими панихиду каменными колоколами на кладбище? Из деда моего – не сумевшего совладать со своим горем несчастного человека – сделали колдуна и, случись это пару веков назад – корчиться бы его объятому пламенем телу на костре святой инквизиции!

Подумав об этом, я снова вернулся мыслями к истории с гибелью старшего дедова сына. У нас в семье не принято было говорить об этом, и я лишь краем уха слышал об умершем отцовом брате, однако представлял себе при этом почему-то тельце младенца, ставшего жертвой одной из бесчисленных детских инфекций, и сухую, облаченную в черное фигуру его родительницы, склонившейся над ним с каменным выражением лица... Видимо, картинку эту я «почерпнул» в одной из книг ирландских или французских писателей, которые от нечего делать прочитывал вслед за матерью. Романы эти изобиловали описаниями драматичных ситуаций и скорбных ритуалов, но, как оказалось, ничего общего с историей моей семьи не имели. Я пожалел было, что никогда не заговаривал с отцом на эту тему, но, вспомнив

ту наигранную бесшабашную веселость, с которой он шел по жизни и за которой прятал свои истинные чувства, понял, что попытки эти ничего бы мне не дали – искренности у отца было столько же, сколько у быка – математических способностей. Спрашивать же об этом деда было не только бесполезно, но и опасно – старый отшельник долгие годы кутается в свою трагедию, словно бабочка в кокон, и вряд ли позволит кому бы то ни было совать нос в глубь лелеемых им переживаний. Суровый нрав старика оберегал его быт и мысли от постороннего присутствия, и я должен был радоваться уже тому, что он принял меня под свое крыло. Да и действительно, что бы я там сейчас делал с раздраженным отцом и истеричной матерью?

В старой деревянной церкви на краю поселка, напоминавшей, скорее, увенчанный куполом большой сарай, нежели Дом Божий, было немногочисленно. Видимо, друзей у старого датчанина было немного, да и те были заняты своими делами, а не шатались праздно в поисках развлечений. Впрочем, вряд ли кого-то мог развлечь вид мертвого старца в дешевом гробу, глубокими морщинами и желтыми, исчерченными черными продольными полосами ногтями повествующего о нелегкой судьбе обреченного на прозябание одинокого рыбака. Тонкая нитка этой судьбы перетерлась об острые края лишений и безнадёги и лопнула, отпустив его в иные миры, в которых сети, что он вязал, несомненно, стоят доро-

же и принесут ему богатство. Пышная рыжая борода датчанина поднималась из гроба на добрых две ладони и, оставляя свободными лишь нос, губы да впавшие глаза старика, придавала ему сходство с его славными предками-викингами, которое, принимая во внимание худосочные пропорции тела и небольшой рост умершего, казалось гротескным. Будь это не мертвый рыбак, а его портрет, я подумал бы, что какой-то остряк-художник создал шарж на древнего воина — покорителя морей и бандита.

Стоящий рядом со мной Оле притих и, преисполнившись величием момента, почти перестал дышать. Не думаю, что смерть как таковая оказала на него столь сильное действие, просто в кармане у него все еще находилась пара-тройка деревянных заготовок, отобранных для него датчанином, и сознание того, что эти сухие, бескровные руки замерли навеки и не возьмутся уж больше за перочинный нож, а скрипучий старческий голос не пожурит его за торопливость, заставило парнишку трепетать, а сердце его биться глуше.

Понаблюдав за последними приготовлениями и попрощавшись с усопшим, солнце начало погружаться в море на западе, а небольшая процессия, ведомая облаченным в потрепанную рясу протестантским священником, поползла по склону холма наверх, к кладбищу. Никакого интереса в том, чтобы видеть, как старый датчанин отправится гнить в свою могилу, я не испытывал, а потому не пошел вместе с ни-

ми, предоставив Оле в одиночку наслаждаться траурным ритуалом. Побродив еще немного по дюнам и набрав полные ботинки песку, я отправился домой, селедка моего нового друга была бесподобной, но со времени ее поглощения прошел уже целый день, наполненный исследованием побережья чуть ли не до самого Нордхаузена, и голод давал о себе знать все настойчивей.

Дед был дома и встретил меня двусмысленным хмыканьем, то ли желая показать, что заметил мое появление, то ли упрекая за безделье. Однако холодный ужин, такой же непритязательный и вкусный, как вчера, ждал меня на столе, огонь в печи сварливо потрескивал, и общая атмосфера дома даже начала напоминать уютную. Поев и напившись терпкого чаю, в который дед добавлял для аромата какое-то местное растение, я почувствовал себя и вовсе хорошо. Диалога с дедом на этот раз не получилось, на мои вопросы касательно увиденного мною за день он отвечал неохотно, обрывками фраз и скоро удалился в свою комнату, дверь которой со времени моего приезда запирали на ключ. Я уважал стариковские тайны и, к тому же, ничего не имел против одиночества, а посему откинулся в кресле и, глядя в потолок, стал размышлять о всякой ерунде, которая, принимая все более причудливые формы, постепенно перешла в сон.

Однако в кресле особо не поспишь, да и печной огонь, погаснув, позволил воздуху остыть к полуночи, так что я проснулся от холода и, разминая покалываемую тысячей

иголок «уснувшую» руку, решил перебраться в спальню. Стараясь не шуметь и не наткаться на мебель, я в почти полной темноте на ощупь прокладывал себе дорогу между предметами небогатой обстановки, когда вдруг, проходя мимо дедовой комнаты, услышал раздававшийся из-за двери шепот и увидел полоску света между нею и косяком, говорящую о том, что дверь не заперта. Удивленный, я замер. Мне сразу вспомнились рассказы моего нового приятеля, вернее, переданные им измышления его мамы касательно дедовского колдовства, и я, исполненный жути, осторожно заглянул в приоткрытую дверь, ожидая, должно быть, увидеть там всякого рода каббалистические знаки, а то и стать свидетелем жертвоприношения с летающими демонами ночи и разбрызганной по стенам кровью. Однако, то ли к успокоению, то ли к подспудному разочарованию моему, ничего подобного в дедовой комнате я не заметил, дед, по-видимому, просто молился, стоя на коленях ко мне спиной и беспрестанно кланяясь, почти касаясь лбом чисто выскобленного пола. Крестом он себя, правда, не осенял, как это принято у христиан, да и слова этой странной молитвы были мне не знакомы – должно быть, дед говорил на каком-то неизвестном мне языке или диалекте – но то, что ничего предосудительного или богопротивного в комнате не происходило, было очевидно. По правде сказать, ничего удивительного в дедовском способе общения с Богом я не находил – мне уже встречались люди, предпочитающие уединенность и сво-

боду религиозной мысли охваченному ажиотажем переполненному нутру церкви с ее строжайшими предписаниями и нескончаемыми угрозами божественной расправы. Старый чудака, должно быть, отсыпается днем, а то и вовсе не нуждается в отдыхе, бывает и такое... Я осторожно, чтобы не потревожить или, хуже того, не испугать деда, прокрался в свою комнату и нырнул в прохладное нутро постели.

Однако поспать мне не удалось. Не успела еще отзвучать в моей голове колыбельная Морфея, погрузив меня в сон, как ее мелодичные, ласковые звуки сменились другими, более резкими и требовательными. Я сел на постели и прислушался. Какое-то время все было тихо, и я даже подумал, что слышанные мною только что далекие удары колокола почудились мне, но через пару минут звук повторился, и теперь уж не было сомнений в том, что я слышу именно плоды трудов какого-то сумасшедшего пономаря, которому вдруг вздумалось почему-то перебудить всю округу всепроникающим, заунывным звоном.

«А что, если это какая-то местная традиция, которой я не знаю, или даже сбор на какой-нибудь праздник, ну там улова или еще чего-нибудь?» подумалось мне вдруг, и я, охваченный лихорадкой отроческого любопытства, вскочил и начал поспешно натягивать брюки, ибо пропускать что-либо важное в моей новой жизни не собирался.

Выбежав из дома, я уже направился было в сторону поселка, так как именно там находились единственная в окру-

ге церковь, а, следственно, и колокол, но на полдороге был остановлен все тем же колокольным звоном, раздававшимся, как ни странно, совсем с другой стороны, а именно с кладбищенского холма. Как громом пораженный, я остановился. Мне тут же вспомнились слова Оле и мистическом звоне, которым якобы наполняет всю округу каменный колокол в ночи после похорон, и лежащий в своем гробу несчастный старый датчанин, чья кончина, должно быть, и стала поводом для моей галлюцинации. В том же, что это именно галлюцинация, я нисколько не сомневался, потому что, во-первых, был человеком вполне современным и не склонным к всякого рода чепухе, а во-вторых, не видел вокруг себя ни одного жителя поселка, а ведь колокольный звон, будь он реальным, должен был бы вытащить из постелей всех поголовно! Не желая терзаться сомнениями, я решил, рискуя обрушить на себя праведный гнев, прервать-таки дедову молитву и справиться у него о том, что послужило поводом для возникновения в маленьком рыбацком поселке столь странных преданий, и, вернувшись в дом, прямиком направился в комнату старика. Дверь была все еще приоткрыта, и полуоплавившаяся свеча все еще горела на столе, но деда там не было. Не было его ни в кухне, ни в гостиной, ни даже в уборной, где я тоже не поленился посмотреть, — дед пропал. Поиски во дворе и вдоль берега также ничего не дали, и я, устав блуждать в темноте, вернулся в свою комнату и вновь забрался под одеяло, решив попросту махнуть на все рукой

и выспаться. Наверняка дед знает, что делает, и своей заполошной беготней я ничего доброго не добыюсь...

V

На следующий день я, отметив по изменившемуся положению предметов мебели в гостиной, что дед появлялся и снова ушел, успокоился и списал все произошедшее прошлой ночью на свое не в меру разыгравшееся под воздействием морского воздуха воображение. Затем, прихватив с собой бутыл с молоком для селедки, я отправился на берег. Однако ни Оле с его угрюмым отцом, ни других рыбаков я там не обнаружил – наверное, море само диктует им расписание лова и предугадать возвращение моего друга – задача не из легких. Немного послунявшись по берегу и в раздумьях опустошив на две трети мою бутыл, я припрятал ее в кустах и отправился на кладбище – место, вот уже второй день занимающее мои мысли. Признаться, я желал проверить, не там ли дед, и убедиться в верности слов Оле касательно времяпрепровождения старика. Стыдно сказать, но еще более этого мне хотелось подслушать его разговоры с надгробиями и постараться разобрать хоть что-нибудь в его странной речи, ибо, заговори он с могилами на том же языке, на котором вчера молился, сделать это будет нелегко.

Уже начав подъем на кладбищенский холм и отчетливо видя ворота в форме колокола, я вдруг заметил женщину лет

тридцати восьми, идущую мне навстречу, толкая перед собой небольшую тележку. Женщина шла, опустив голову и, по-видимому, задумавшись над чем-то, но я, несмотря на ее простую, скрывающую формы одежду и почти полное отсутствие у меня опыта в таких делах, почти угадал ее возраст. Быть может, потому, что ее гладкая кожа и отсутствие седины в волосах подсказали мне, что ей еще нет сорока, но тяжелый, полный скорби и глубокой, невыплеснутой чувственности взгляд ее карих глаз, которые она вдруг подняла на меня, не мог принадлежать цветущей молодой женщине?

О! остановилась женщина и поправила ленточку на голове, из-под которой выбилась непослушная прядь каштановых волос. – Ты что здесь делаешь?

Вы знаете, я здесь *иду*, а что, собственно, заставило Вас спросить об этом? как и всегда, когда смущался, я попытался скрыть неловкость за граничащей с хамством язвительностью.

Женщина, чуть склонив голову набок, посмотрела на меня долгим взглядом, на дне которого плескалось тщательно скрываемое удивление.

Ну надо же, вымолвила она наконец едва ли не шепотом, словно сделала для себя какое-то открытие, никогда бы не подумала... Но как насмешлива природа!

Что Вы имеете в виду? сразу насторожился я, решив, что природе вменяется в вину создание меня таким уродом.

Нет-нет, быстро ответила женщина, словно поняв причи-

ну моей настороженности. – Просто... ты так похож на одного человека, что я... Так ты тот самый парнишка, который приехал к старику?

Мне пришлось признать, что, если она подразумевает под «стариком» моего деда, то я тот самый парнишка и есть.

А Вы, собственно, кто?

Я-то? Да вот... живу я здесь. Во-он в том доме, она указала подбородком на что-то за моей спиной, но я, обернувшись, ничего, кроме привычных дюн да серых волн моря не увидел.

Понятно. А что Вы делали на кладбище?

На кладбище? моя собеседница смешно сморщила нос и быстро отвела глаза. – С чего ты взял? Я с мельницы иду, она там, на том краю поселка, просто так дорога короче...

Понятно, снова сказал я, не зная, как завершить начавшую тяготить меня беседу. Женщина, заметив это, помогла мне:

Ну что ж, приятно было познакомиться, может быть, еще увидимся.

Да мы, вроде, не знакомились...

Она засмеялась и, подхватив свою тележку, покатила ее мимо меня.

Я Мириам. А ты, должно быть, Ульф?

Кивком головы я подтвердил правильность ее догадки и, неловко махнув ей рукой на прощание, пошел своей дорогой.

По кладбищу, оказавшемуся довольно большим и ско-

рее напоминавшему парк благодаря разросшимся здесь деревьям, я бродить не стал – что интересного в однообразии серых надгробий и витиеватых эпитафий? – а, остановившись в арке ворот, тщательно исследовал их и убедился, что кажущийся колокол – чистейший камень и звонить прошедшей ночью никак не мог. Вот так всегда: наслушаешься старушечьих бредней и вообразишь себе черт знает что!

Постояв немного, прислонившись спиной к теплomu, нагретому солнцем камню и полюбовавшись открывающимся отсюда видом на море и Птичью Скалу, я стал спускаться вниз, в поселок, однако, пройдя всего несколько шагов, почувствовал на себе чей-то взгляд, заставивший меня поежиться. Помедлив, скованный внезапно охватившим меня страхом, я все же обернулся и встретился глазами с дедом, неизвестно откуда возникшим на том самом месте, где я только что стоял.

Ты что, дед, на кладбище был или тоже с мельницы идешь? спросил я не очень вежливо, но, на мой взгляд, вполне подходяще при общении между близкими родственниками.

С какой мельницы? – нахмурился дед. – И почему «тоже»?

Он стоял в воротах, под самым «колоколом» – высокий, худой, с длинной седой бородой и ниспадающими на плечи волосами, присыпанными, что называется, пеплом времени, и являл сейчас собою фигуру величественную и почти ми-

стическую, вид которой привел мою впечатлительную душу в почти религиозный трепет. Его глубоко посаженные глаза с лиловыми отеками веками, говорящими о хронической усталости, и одновременно с тем мраморная бледность лба завершали образ святого с полотен мастеров средневековья. Впрочем, на колдуна из тех же времен дед, по моим представлениям, тоже очень походил.

Как это с какой мельницы, дед? Она сказала, что дорога эта ведет также и на мельницу, что находится на другом краю поселка, вот я и подумал, что, может, ты тоже...

Кто – она?

Мириам.

Мириам? Ты встречался с ней?

Ну да, пару минут назад. Она шла с тележкой по этой дороге, а когда я спросил ее, не на кладбище ли она была, то...

Ясно, перебил меня на полуслове старик. – Что еще она тебе сказала?

Больше ничего. Только то, что она живет здесь неподалеку и еще...

Что еще?

Ну, что я якобы показался ей на кого-то похожим.

Она сказала, на кого?

Нет.

Точно?

Дед, это что – допрос? Что ты привязался ко мне с этой Мириам? Кстати, кто она?

Дед, по-видимому, несколько успокоился, приблизился и, взяв меня за плечо, заглянул мне в глаза:

Она – злой рок нашей семьи, и будет лучше, если ты станешь держаться от нее подальше.

Что она может мне сделать?

Не рассуждай! прикрикнул вдруг дед. – Делай то, что я тебе говорю, и тогда избежишь беды. Все, пойдем домой, пора обедать!

Затем, посмотрев на меня оценивающе, негромко добавил:

А и вправду похож, ничего не скажешь... Кстати, ни на какую мельницу эта дорога не ведет, а заканчивается могилами да склепами... и, не оборачиваясь, зашагал вниз, в направлении поселка.

Вечером я снова увидел Оле. Со стороны могло показаться, что мы сговорились о встрече, но только я и в самом деле ничего не знал о его планах, когда собрался прогуляться к подножию Птичьей Скалы, а, быть может, и попытаться подняться на нее, хотя я боюсь высоты. Неспешно огибая Скалу с севера и «наслаждаясь» непрерывным визгом прожорливых чаек, я вдруг услышал чьи-то голоса за зубчатым скальным выступом и, любопытствуя, осторожно выглянул из-за него.

Оле стоял в позе патриция у куста солероса, размахивая руками и о чем-то с азартом повествуя чудному созданию,

замершему неподалеку от него на большой, увитой стеблями морской горчицы, кочке. Девушка, вернее сказать – девочка, ибо на вид ей было не больше тринадцати-четырнадцати лет, показалась мне с первого взгляда какой-то воздушной, невесомой и удивительно светлой, словно была не живым человеком, а иллюстрацией из книги сказок, стоявшей когда-то на полке в моей комнате. Простое, песочного цвета, платье так ловко облегалo ее точеную фигурку, словно было пошито лучшим портным Нордхаузена, а рассыпанные по плечам светлые выющиеся волосы делали картину сказочной нимфы цельной. Увлечшийся Оле продолжал что-то горячо говорить, но девушка, заметив меня и негромко вскрикнув, вскочила, прижимая за чем-то к груди маленького деревянного тролля. Ее устремленный на меня испуганный взгляд был чуть диковатым и... искренним, так что я опешил. Слова приветствия, для которых я уже открыл было рот, застряли у меня в горле. Будь мы все на пару лет постарше, я решил бы, что бестактно прервал любовное свидание, но нежный возраст этого ангела и излучаемая им чистота не позволили мне смутиться, хотя, должен признать, внешний облик часто обманчив и отличать черное от белого мы учимся гораздо позже, а некоторые из нас – никогда.

Наконец-то заметившему меня Оле мой неожиданный визит явно пришелся не по душе. Он повернулся ко мне вполоборота, давая понять, что не намерен отвлекаться надолго и, нахмурившись, бросил:

Привет. Ты как нас нашел?

Меня развеселила неприкрытая ревность молодого рыбака и я, не удержавшись, ляпнул:

Да очень просто – следил от самого дома.

Следил?! поза Оле изменилась, он стал похож на готового к нападению петуха, выставившего вперед гребень и демонстрирующего шпоры.

Мне стало жалко его, к тому же, я не искал ссоры.

Да брось ты, Оле, сказал я миролюбиво. – Зачем бы мне это понадобилось? Просто вышел прогуляться да случайно наткнулся на вас. А это, должно быть, Йонка?

Довольный своей находчивостью по части избегания конфликтов, я подошел к девушке и, продолжая краем глаза наблюдать за ее ревнивым дролей, протянул ей руку. Она недоуменно посмотрела на нее и вопросительно взглянула на Оле, всем своим видом выражая недоумение. Мне же не оставалось ничего иного, как, покрутив кистью руки в воздухе, неловко сунуть ее в карман. Теперь пришла очередь веселиться парнишке:

У нас не подают женщинам руку и, если не хочешь когда-нибудь ее лишиться, лучше держи ее в кармане.

Почему? Разве у вас не знают приличий? мне было обидно, что я так опростоволосился, но сдаваться я не собирался. Оле фыркнул.

Надо же, приличный нашелся... У нас тут свои приличия, а твоими только свиней кормить.

Мне надоело слушать его хамские речи и я, пожав плечами, развернулся, чтобы уйти.

Что же ты, не постоишь за себя? раздался вдруг за мою спиною насмешливый, чуть простуженный девичий голос. Видимо, Йонке оказалось недостаточно произошедшего, и она старалась теперь побудить меня к продолжению спектакля. Мне и раньше приходилось встречаться с провокациями со стороны так называемого слабого пола, и я знал, что ничем хорошим они, как правило, не заканчиваются, если воспринимать их серьезно. Я повернулся и, постаравшись вложить во взгляд побольше разочарования и усталости, посмотрел этой юной змее в глаза, где плясали торжество и внушенная кем-то уверенность во власти над окружающими. Странно, но, протягивая ей руку минуту назад, я ничего подобного не заметил.

Чего ты от меня хочешь? спросил я в ответ, но голос мой прозвучал не родительски-снисходительно, как я того желал, а как-то по-мышинному пискляво и просяще. Что за черт!

Ну, ответь ему что-нибудь, или вы, горожане, только в книжках такие умные?

Я еще не придумал, что бы такое нахамить, как на мою сторону неожиданно стал Оле:

Перестань, Йонка! Что ты донимаешь человека? Вовсе не хотел я с ним ссориться, и нам, рыбакам, действительно неплохо бы научиться быть повежливее... Кстати, *мужчинам* у нас руку подают!

С этими словами он шагнул ко мне и протянул свою жесткую, натертую бечевой до мозолей ладонь. Во взгляде его читалось расположение, хотя и не без доли лукавства, а я и теперь, по прошествии стольких лет, не могу сказать точно, Оле ли осадил тогда кровожадную девчонку, или это Йонка, зная натуру и характер своего друга, ловким маневром заставила нас помириться. Как бы там ни было, а в тот момент, когда я жал руку молодому рыбаку, я понял, что мы с ним подружимся. Но понял я также и то, что оттенки нашей дружбы всегда будут зависеть от настроений и желаний вредной светловолосой северянки с ослепительной улыбкой и бесовским блеском в глазах, смотревшей тогда на нас обоих с нескрываемым превосходством. И это про нее Оле говорил, что она одинока, несчастна и непременно нуждается в компании маленького деревянного тролля в те минуты, когда ее приятель в море и не может быть с ней рядом? Если он и вправду так считает, то ему неплохо бы промыть глаза в каком-нибудь чудодейственном роднике и прозреть!

Через пару минут после описанного инцидента мы все трое уже сидели рядышком на Йонкиной кочке, болтали о какой-то ерунде и строили планы на будущее.

Эй, ребята, а вы не хотели бы побывать в Графстве? спросила вдруг Йонка.

Где-где?

В Графстве! Мама говорит, оно совсем недалеко от нас, но там все абсолютно иначе.

Что иначе? не понял Оле, которому тяжело было представить себе, что где-то может не существовать обязанности ходить в море, разделявать рыбу и повиноваться молчаливому строгому отцу.

Да *всё* иначе! По-другому. Мама говорит, там нет зла, лжи и зависти, там исполняются все желания...

Да? Фантазерка твоя мама! Если бы такое графство существовало, то все люди хотели бы жить там.

Все и хотят, но просто не знают дороги туда...

А твоя мама знает?

Мама знает.

А чего ж рыбу сортирует, вместо того, чтобы переселиться в это свое графство?

Ох, Оле, и глупый же ты! Туда просто так не попасть, для этого надо...

Что надо?

Смешно прищулив глаза, девчонка высунула кончик языка и показала его своему зловредному приятелю. Я перехватил ее взгляд, и мне почему-то показалось, что в нем блеснуло что-то недоброе, но, наверное, только показалось, потому что уже через секунду Йонка как ни в чем не бывало расхохоталась, и из глаз ее вновь посыпались в разные стороны смешинки. И чему она все время радуется?

Оле, так и не дождавшись ответа, махнул рукой:

Тебе, Йонка, мать сказку на ночь рассказывала, а ты и уши развесила...

Длинноногая бестия, смеясь, побежала прочь, и через полминуты ее платяице цвета песка стало почти неразличимым на фоне дюн. Я наблюдал за ней, слышал ее смех, и каким-то неведомым мне доселе особенным теплом наполнилось вдруг мое сердце, словно сам Господь Бог облил мою душу горячей радостью. В свои четырнадцать лет я самонадеянно полагал, что обладаю уже кое-каким опытом, и уж во всяком случае был уверен, что первая любовь моя давно уж позади где-то в журчащих ручьями и перекликающихся птичьими голосами лесах моего родного края, но тогда, завороченно глядя вслед убегающей северной фее, я понял, что все пережитое мною ранее было не более чем глупым стуком лесного дятла, долбящего, зажмурившись, древесную кору своим железным клювом.

Я взглянул на Оле. Он, похоже, заметил произошедшую во мне перемену и смотрел на меня тяжелым, полным подозрения взглядом, в котором читалась готовность отстаивать до последнего то, что он считал принадлежащим ему по праву. Его мальчишеская решимость показалась мне в ту минуту смешной и достойной жалости – как может он, пропахший морем рыбак, сравнивать свои детские фантазии с тем настоящим, новым чувством, что родилось во мне минуту назад? Неужели он действительно полагает, что может воспрепятствовать бурному потоку всепоглощающей лавы, что уже кипел и бурлил в моем нутре, готовясь вырваться наружу и залить все вокруг? Однако я осадил себя и даже устыдил-

ся своих мыслей и чувства превосходства перед моим новым другом, который был, быть может, нисколько не глупее меня и, уж во всяком случае, гораздо добрее и натуральнее. Ведь он не прятал за напыщенностью свою юношескую сентиментальность и показал мне тогда, в самую первую нашу с ним встречу, маленького деревянного тролля, которого готовил в подарок своей подружке... Он так запросто говорил о моем деде-колдуне, как будто колдовство было для него обыденной вещью, и не стеснялся своих заблуждений. Он, в конце концов, стал на мою сторону, когда ему показалось, что его ненаглядная Йонка надо мною издевается... Эх, Оле, Оле! Насколько богаче твой внутренний мир, не занесенный пургой лживых наук и слащавого этикета, тошнотворных правил «светской жизни» и страха проявить слабость! А ведь в твоей крови викинга отваги и решимости столько, сколько ни одному вскормленному в палатах «высокородному» гаденышу и не снилось...

VI

Против моих ожиданий, Оле ничего не сказал мне тогда, не полез в драку и не стал ссориться, он просто легонько ударил меня кулаком в плечо и улыбнулся своей щербатой улыбкой, давая мне понять, что на сегодня разборок достаточно. Я улыбнулся ему в ответ и заговорил о какой-то ерунде, мыслями оставаясь с той, чей смех лишь совсем недавно утих в

дюнах. Что на меня тогда нашло, не знаю, должно быть, морской воздух действовал как-то странно или смена привычной обстановки заставила меня искать новых ощущений, но и сейчас, по прошествии стольких лет, мне неясно, что же нашел я тогда в этой взбалмошной, хлипкой девчонке, чье биологическое созревание, повинуясь законам северной крови, еще только-только начиналось, и чья угловатая, лишенная каких-либо примечательностей фигурка никакого плотского вожделения у меня не вызывала, но запала мне в душу...

Однако целью моей не является утомлять вас подробностями моей подростковой чувственности, которая известна и понятна каждому, все это лишь штрихи, дорисовывающие общую картину тех событий, приведших к появлению на моем столе этого жуткого, потертого венка из тубероз.

Проходили дни и недели, наполненные криками чаек, терпким морским воздухом, вкусом малосольной рыбы с молоком и бурливыми эмоциями. Вечерами мы втроем лазали по дюнам, играли в новые для меня игры или рассказывали страшные истории о привидениях да мертвецах, в которых я оказался большим мастером. Меня забавляло, с каким неподдельным вниманием и напряжением слушали мои наивные друзья сочиняемую мной галиматью и, войдя в азарт, выдумывал все новые и новые «законы» потустороннего мира, в истинности которых я их убеждал. С Оле, и без того зашоренным байками его безграмотной бабки, это

было не сложно, но и в глазах «премудрой» Йонки, казалось, несколько померк незыблемый до того авторитет ее матери, нудящей про какое-то там Графство Справедливости. Романтиков, старающихся подобными рассказками привить некую мораль своим отпрыскам, предостаточно в любом обществе, и увещевания их не новы, но попробуйте так, как я, обрисовать выход из морских глубин жаждущей мести утопленницы или мерзкое карканье обратившейся в ворону ведьмы! Дуростью этой я покори́л сердца моих слушателей и, чувствуя себя всемогущим, почивал на лаврах своего превосходства.

Это, как я уже сказал, было вечерами. По утрам же я, пользуясь тем, что Оле с отцом находится в море и подло презрев законы товарищества, осаждал Йонку излияниями своих чувств и грязно домогался ее плотского внимания, которое, по моим понятиям, всеобязательно должно было венчать процедуру ухаживания, на которое я тратил столько сил. Обольщенный лжеумом моих рассказов и лишенных логики выводов ребенок (теперь-то мне ясно, что тогда она была всего лишь ребенком) не смог долго сопротивляться моей настойчивости и внимание это мне уделил. Думаю, сами дюны, наблюдая учиненное мною безобразие, вздыхали от сочувствия: страх в широко раскрытых, прекрасных глазах Йонки, острые, с видимым напряжением воли разомкнутые коленки и трясущиеся, мокрые от слез губы совсем не обязательно являлись признаком ответного чувства, которое, как

уверяла Йонка, она ко мне испытывала. Летнее утро еще не успело превратиться в жаркий день, поэтому я, довольный собою, накинул на плечи сидящей без движения и смотрящей в пустоту юной моей любовницы свою куртку, закрепляя тем самым наши новые отношения. Ни подлым, ни мерзким сам себе я тогда не казался, с какой стати? Я искренне собирался провести с облаченным в мой анорак ангелом всю свою жизнь, и как мужчина должен был заботиться о воплощении своих планов. Что до Оле, то его я ни в коей мере не предал: разве Йонка жена ему или невеста? Разве обещал я ему не приближаться к ней, да и он, в конце концов, разве просил меня об этом? Однако что-то с моей совестью было все же не так, разве задавал бы я себе иначе такие вопросы и оправдывался бы перед самим собою?

Сдается мне, что сам Оле видел ситуацию несколько иначе. Он бы, конечно, все равно узнал когда-то о произошедшем, но надо ж было тому случиться, что именно в этот день его отец заметил в баркасе какое-то серьезное повреждение и велел возвращаться назад, едва покинув рыбацкий порт... Потолкавшись немного на берегу – скорее «для порядка», чем для дела, – Оле поступил совершенно логично: обрадованный возможностью провести неожиданно выпавший выходной с друзьями, он отправился разыскивать нас с Йонкой.

И разыскал, да не потревожил. Дождавшись момента, когда я накинул на плечи девчонки свой анорак, он просто вышел к нам из-за холма и молча остановился напротив, скре-

стив руки на груди. Объяснять было нечего. Разборок не было; мы постояли, посмотрели друг на друга и молча разошлись. Йонка еще не освоила бабью повадку – визжать и умолять, а потому просто молчала, глядя на суровые скалы вдаль и беснующихся над ними чаек. Да никто у нее ничего и не спрашивал.

Мне было обидно: только-только успел я подружиться с молодым рыбаком и, можно сказать, прикипеть к нему сердцем, как он все испортил вот этим своим насупленным упрямством да ревностью. Ну что ему, в конце концов, далась моя Йонка? Чего он, в самом деле, успокоиться не может? Не лез бы не в свое дело и все было бы хорошо...

Погрустневшая вдруг девчонка не возжелала, чтобы я проводил ее до дома, и пошла одна, правда, не припрыгивая и не смеясь уж более, как раньше. Что-то изменилось в ней за эти короткие минуты, что-то внешне не заметное, но очень весомое. Она как-то странно ссутулилась, словно стараясь уменьшиться в размерах или даже с головой уйти в песок дюны, и точеная, незрелая фигурка ее показалась мне еще более угловатой, чем обычно. Я пожал плечами – ну что за трагедию разыгрывают тут они оба? Что такого особенного произошло? Пусть-ка переночуют со своими нестройными мыслями и приведут их в порядок, а завтра все будет, как обычно. Я хмыкнул, почесал в затылке и отправился домой.

Однако, думая, что Оле так просто справится с бушевавшими в нем страстями, я ошибся. Славный парнишка был до

глубины души оскорблен двойным предательством, тем более для него неожиданным, что сам он был просто не способен на подобное и, как следствие, не ожидал такого от окружающих. Промучившись без сна полночи, он поднялся и вышел из дома. Когда я услышал легкий стук в окно, каким мы с Оле обычно звали друг друга, я, сладко спавший и начисто забывший о произошедшем, нехотя разлепил веки и, чертыхаясь, вышел на крыльцо.

Чего тебе, Оле, в такое время? Что-то случилось?

Случилось. Пойдем.

Куда? не понял я спросонья.

Со мной. На Птичью Скалу.

Зачем?

Там поймешь.

Только тут я воскресил в памяти события прошедшего дня и, как свойственно всем трусам, заволновался:

Да я это, Оле... Мне, в общем, дед не велел туда ходить.

Да? ослабился тот. – А все остальное он тебе велел?

Нет, но... Да послушай, чего ты хочешь?

Узнаешь. Пойдем! Или ты мастак только за спиной гадить, а сейчас трусишь?

Этого я уже не мог стерпеть. Обвинение в трусости я должен был опровергнуть сею же секунду, тем более что оно попало в точку.

Хорошо, сейчас обуюсь, сказал я обреченно и с грустью посмотрел на чернеющий на фоне серого неба массив Пти-

чьей Скалы, зловещей угрозой нависший вдруг над моею судьбой.

VII

Я слышал прибой – характерные звуки накатывающихся на берег волн, которые ни с чем невозможно спутать. Даже не открывая глаз, я мог себе представить, как хлопья крупной, чуть желтоватой пены цепляются за торчащие из песка камни, в то время как принесшая их вода откатывается назад, в море, чтобы через несколько секунд повторить свою атаку на непокорную дюну.

Кто-то приподнял мне голову и влил в мои пересохшие губы глоток воды. Прохладная жидкость привела меня в чувство, но открывать глаза все равно не хотелось – ощущение неги и приятной расслабленности было столь сильно, что я предпочел бы всю жизнь пролежать так, наслаждаясь легким головокружением и шумом прибоя. Однако продолжать нежиться и прикидываться полумертвым было бы неприлично – тот, кто поил меня водой, наверняка ждал, когда я очнусь, а может даже и переживал за меня. Усовестившись, я открыл-таки глаза и сел.

Был вечер. Северное солнце почти уже окончило свой сегодняшний путь по безоблачному небу и готовилось принять ванну где-то за горизонтом. Пред моим взором раскинулось кажущееся отсюда безбрежным суровое Северное море, в

это время года бывающее и ласковым. До берега, впрочем, было не так уж и близко – несколько сотен метров, а это значило, что слух мой просто обманул меня, приблизив звуки прибоя. Далеко-далеко в волнах, покачиваясь, медленно продвигалась вдоль побережья рыбацкая шхуна, возвращаясь с поздним уловом; воздух, наполнявший мои легкие, был удивительно свеж и напоен ароматом неизвестной мне доселе травы, а криков необузданных, суетливых чаек почему-то вовсе не было слышно – птицы примолкли и не мешали мне приходить в себя, проявляя необычные для них чудеса вежливости.

Я сидел на траве, удивительно мягкой и не похожей на те жесткие растительные прутья, которые я привык видеть в этом краю. За спиной моей возвышалась небольшая скала, скорее даже, обломок скалы с гладкой, отшлифованной дождями, солнцем и временем поверхностью, к которому я мог бы прислониться, если бы захотел. Справа от меня, в низине, я заметил рощицу, в тени которой, должно быть, так хорошо отдыхать в летний зной, а за ней голубую ленточку маленькой речки, донесшей, наконец-то, свои воды до батюшки-моря. По левую руку от меня шли соленые луга, а прямо передо мной, всего в паре метров, сидел на корточках белобрысый парнишка одного со мною возраста или чуть старше, глядя на меня с любопытной задумчивостью во взгляде. Глаза у него были почти черные, что создавало довольно редкий контраст со светлыми волосами, а нос – с неболь-

шой горбинкой, наверняка появившейся в результате травмы. Воротник его матросской куртки был поднят едва ли не выше головы, напоминая деталь придворной одежды и, имея он еще кружевное жабо да парик, образ этакого французского баринка был бы завершенным. На голове паренька сидел, словно влитой, искусно сплетенный венок из каких-то белых цветов, отдаленно напоминающих лилии, и я подумал, что он, должно быть, отчаянный франт, а иначе зачем бы ему понадобилось украшать себя подобно девчонке?

Парнишка жевал травинку и разглядывал меня, не говоря ни слова. Кружка с водой, из которой он, похоже, и давал мне напиться, стояла в стороне и я, увидев ее, вновь почувствовал жажду.

Дай мне попить, попросил я паренька и кивнул на кружку.

Тот молча протянул ее мне и наблюдал, как я жадно поглощаю прохладную влагу. Вода текла у меня по подбородку и попадала за воротник, но я все не мог напиться, словно дуб после засухи. Наконец кружка опустела, и я вернул ее незнакомцу.

Ты кто? не очень вежливо поинтересовался я у него. Мне почему-то казалось, что я уже где-то видел это лицо, но не мог припомнить где.

Мальчишка выплюнул свою травинку и улыбнулся.

Я – Хегле. Ты что, не знаешь меня? казалось, он искренне удивился моей неосведомленности касательно его персоны.

Не-а, не знаю... «Ну где же я мог его видеть, черт возь-

ми?!» – Ты местный?

Конечно. Так же, как и ты.

Ну, брат, это ты хватил... Я-то вот как раз и не из этих мест: тут у меня неподалеку живет дед, а сам я приезжий.

Дед, говоришь? Ну-ну... паренек поднялся и, смешно вжав голову в глубины своего воротника, посмотрел на небо. – А что за дед?

Ну, дед как дед, ничего особенного... Он, правда, считается здесь зажиточным из-за своей доли в верфи, но на мне это никак не отражается.

А как зовут деда-то?

Я сказал. Станный все-таки этот мальчишка! Как будто есть хоть один человек на побережье, которому имя моего деда было бы незнакомо!

Вот как? парнишка посмотрел на меня с нескрываемым любопытством и даже чуть попятился назад, будто я собрался предъявить ему к оплате вексель. – Ну, теперь понятно, почему они велели мне отыскать тебя...

Кто – они? не понял я. Говоря по правде, этот полный загадок разговор с незнакомым, неизвестно откуда взявшимся человеком, нравился мне все меньше и меньше. Уже его расспросы про деда были довольно неожиданны, но теперь, когда оказалось, что наша с ним встреча не случайна, а кто-то «велел ему отыскать меня», словно я запропастившийся куда-то веник, я и вовсе огорчился, если не сказать – вознегодовал.

Как – кто? Челядь.

Чья челядь?

Известно чья – графская...

Голова у меня пошла кругом.

Что ты несешь? Какие графы?

О! – вскрикнул Хегле и снова присел на корточки. – Так ты что, никогда не слышал о нашем Графстве?

«Графство... Графство... кто-то совсем недавно говорил мне о каком-то графстве...»

Я тупо уставился на паренька, силясь вспомнить, когда и где мне доводилось слышать об этом. Хегле же тем временем продолжал:

Тебе повезло, что ты нашел его. Окажись ты в каком-нибудь другом месте, могло бы быть совсем худо...

Что ты имеешь в виду?

Справедливость, доброта и беззаботность – здешний образ жизни, но есть, я слышал, и такие места, где людей мучают и терзают.

Все, стоп! Вспомнил! «...мама говорит, там нет зла, лжи и зависти, там исполняются все желания...» Передо мною встало лицо восторженной наивной Йонки, которую я, плюнув в лицо другу, присвоил. Это она, моя воздушная девочка, мечтала о прелестях и справедливости неведомого, сказочного Графства, в которое никак не может переселиться ее рыбачка-мать. Но я? Как оказался здесь я?! Что произошло до того, как Хегле, по его собственным словам, отыскал

меня?

Я ничего не помнил... Значит, я был без сознания?

Изо всех сил напрягая память, я постарался упорядочить свои разрозненные воспоминания. С чего все началось? А, ну да. С Йонки... Потом... Потом я лег спать и меня разбудил Оле, долбящий в стекло, как весенний град... Мы с Оле пошли... Куда мы с ним пошли?

Почувствовав, что голова моя начинает болеть от такого напряжения, я решил не терзаться и выяснить все у моего нового знакомого. Уж он-то должен знать, как на меня напал, и что предшествовало этому!

Однако Хегле лишь пожал плечами в ответ на мой вопрос.

Не знаю я... Кто-то из челяди Графини окликнул меня и велел посмотреть в этом месте. Ну, это не ново – в потемках многие добираются сюда в полубессознательном состоянии и валяются где попало, так что я не задавался вопросом, почему ты здесь оказался.

Единственное, что меня удивило, так это то, что окликнули именно меня, хотя другие были ближе, но теперь и это мне понятно. В конце концов, Графине виднее, как распоряжаться своими подданными.

Графине виднее, это уж точно... Боюсь, что от такого объяснения светлости в моей голове не добавилось, но я решил не забрасывать пока парнишку вопросами, а обождать и попытаться дознаться до всего самостоятельно.

Тут Хегле вдруг сам задал мне вопрос:

А того, второго, ты знаешь?

Какого второго?

Да нет, наверно, не знаешь...

И все-таки?

Ну, просто ты не один блудил сегодня в потемках. Был кто-то еще, и тоже к Графине...

Что значит – тоже к Графине?

Хегле рассмеялся и вскочил.

Ну, это политика, потом поймешь! Ты готов?

Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться, но я, не привыкший к церемониям светского общества, не принял помощи и встал сам, ощутив необыкновенную легкость во всем теле. Должно быть, я достаточно долго тут провалялся и силы вернулись ко мне.

Послушай, Хегле, спасибо тебе за помощь, сказки и так далее, но не мог бы ты мне указать направление, в котором находится наш поселок? Берегом я уж как-нибудь доберусь...

Мальчишка воззрился на меня как на чучело динозавра в музее, но потом рассмеялся и ответил:

Боюсь, я и сам плохо себе его представляю. В любом случае, пойти берегом тебе не удастся.

Это почему?

Потому что берег – понятие кажущееся, мираж. Он расположен за пределами Графства и приблизиться к нему можно лишь в «дни открытых дверей» или по особому приглаше-

нию кого-то из живущих там, но такую «визу» выхлопотать почти невозможно. А тебе что, не по душе наше Графство?

Тут меня осенило. Разумеется, мальчишка – какой-то знакомый Оле из соседнего поселка. В месть за Йонку они, должно быть, вышибли из меня сознание, приволокли сюда и теперь глумятся... А иначе откуда этому Хегле знать о «графских» бреднях Йонкиной мамыши?

Озаренный разгадкой, я со злобой повернулся к пытающемуся меня надурить наглецу:

Ну, и где же твой дружок Оле? Думаете, что обведете меня вокруг пальца? Давай-ка выкладывай все по-хорошему, иначе я не только доберусь до моря, но и утоплю тебя в нем!

Лицо Хегле вытянулось, он непонимающе уставился на меня. Однако его недоумение не продлилось и нескольких секунд – он снова улыбнулся и спросил, словно не расслышав угрозы:

Оле – это тот, кто пришел вместе с тобой?

Нахальство этого хлыща с поднятым воротником раздражало. Даже после того, как я разгадал их с Оле гнусную задумку, он не желал ни в чем признаваться! Ну, да это свойственно людям трусливым и твердолобым, ничего в том необычного нет.

Прекрати строить из себя черт знает что! закричал я в гневе. – Где Оле?! И где, наконец, дорога к морю?

Не знаю я твоего Оле, вздохнул погрузневший от моего тона парнишка. – *Пока* не знаю... А до моря, как я уже тебе

сказал, без особого разрешения добраться невозможно.

И кто же выдает у вас такие разрешения? поинтересовался я самым язвительным тоном, на какой был способен.

Граф или Графиня. В нашем с тобой случае именно она.

Отчего ж не Граф? Он-то, должно быть, поглавнее будет?

Ничуть. У Графа свои подданные и свои заботы, а у Графини – свои.

Теперь уже я смотрел на явно тронувшегося умом парнишку с жалостью. Он, похоже, даже не расслышал в моем голосе сарказма и нес свой бред вполне серьезно. Но не это сейчас было главным – гораздо важнее было добраться до поселка и найти, наконец, виновника или виновников моего малоприятного приключения. В том, что здесь замешан Оле, я почти не сомневался, но ведь не мог же он в одиночку повернуть все это? То, что сбрендивший Хегле каким-то образом причастен к этой истории, казалось мне теперь маловероятным – слишком уж искренне повествовал он о своих графьях, да и грустная его мина не казалась мне наигранной. Ну, да Бог с ним, пусть остается со своими галлюцинациями, мне-то что за дело? Впрочем, спасибо ему за воду.

Эй, Хегле, или как там тебя! Мне пора, слышишь?

Тот медленно кивнул.

Слышу. Куда пойдешь?

Известно куда – до моря, а там берегом в поселок.

Ну, попробуй.

А что, скажешь, не выйдет?

Я уже дважды сказал тебе это, к чему повторяться в третий раз?

Ну что ж, посмотрим! Счастливо оставаться!

И я опрометью бросился по направлению синееющего далеко внизу моря, чьи волны я совсем недавно слышал настолько отчетливо, что сомневаться в их реальности не приходилось. Хегле же остался сидеть, глядя мне вслед.

Я летел как сумасшедший, желая как можно скорее намотать ноги в соленой морской воде и положить тем самым конец волнению, вызванному выдумками моего странного собеседника. Не скажу, что сомнение закралось в мою душу, но какое-то неуютное чувство засело в ней занозой, и, чтобы избавиться от него, я должен был достичь своей цели. Перепрыгивая через трещины, валуны и покрытые блеклой растительностью кочки, я бежал и бежал, не чувствуя одышки и усталости, что было хоть и неудивительно для моих четырнадцати лет, но все же не совсем здорово, если принять во внимание ту горячность и суженность мышления, которые мною владели. Несколько раз мне казалось, что я уже почти у цели и вот-вот выскочу к берегу, но это всегда оказывалось лишь иллюзией – за очередным пригорком моему взору открывалось не море, а новая цепь преград, на преодоление которых я вновь бесстрашно бросался. Наконец, когда даже скачущие мысли и возбуждение не могли уж больше маскировать возрастающую усталость, я заметил впереди себя невысокую скалу, очертания которой показались мне зна-

комыми, а еще через несколько секунд вынужден был резко остановиться, едва не споткнувшись о сидящего на корточках спиной ко мне человека в морской куртке с поднятым воротником.

Ну, набегался? услышал я спокойный голос Хегле. Парнишка поднялся и, повернувшись ко мне, вглядывался в мое лицо, словно ожидая увидеть там неопишемую радость по поводу нашей встречи. – И где твое море?

Я был настолько шокирован и полон отчаяния, что не сразу нашелся, что ответить. Мне почему-то вспомнилась дурацкая сказка про забег зайца с ежом, который он по причине ежиной хитрости никак не мог выиграть, но там ведь ежиха дожидалась дуралея, а тут...

Как ты здесь оказался? выдавил я, наконец.

Я? переспросил Хегле. – Да нет, друг, это *ты* опять здесь оказался, как я тебе и предсказывал. Разве ты не узнаешь местности?

Я огляделся. Действительно, это была та самая скала, возле которой я пришел в себя; трава на том месте, где я совсем недавно сидел, была примята, и кружка, которую я залпом опустошил, стояла тут же... Это что ж тогда получается? По кругу я бегал, что ли?

Слушай, Хегле, разве я бегал по кругу? озвучил я свои мысли.

А ты думаешь, что успел обежать Землю? ответил он как-то тускло. – Знаешь, Ульф, советую тебе перестать мыслить

обычными для тебя категориями. Тебе еще придется усвоить, что в Графстве все иначе, и даже законы физики здесь не применимы.

Пока я усвоил лишь, что являюсь пленником. Где же все-таки границы этого чертова Графства?

Ты сейчас сам не понимаешь, что говоришь... Благодарю Бога, что оказался *здесь*, а не в том месте, которое ты только что упомянул. А что до границ... Если бы ты не так ошалело бежал, то заметил бы, что в определенном месте пространство словно искажается и все начинается «заново».

Выходит, отсюда не вырваться?

А зачем? удивился Хегле.

Что значит – зачем? Ведь нужно же как-то попасть домой!

Ты уже дома.

Это уж мне решать, где мой дом!

Ну-ну...

Так это что ж, выходит, здесь все бесправны? А как же рассуждения о свободе, справедливости и так далее, которые якобы царят в вашем Графстве?

Хегле посмотрел на меня задумчиво.

Свобода и анархия – не одно и то же. А справедливость в том, что все мы здесь равны. У нас нет ни титулов, ни чинов, ни счетов в банке, и даже графская челядь лишь выполняет волю Графа и Графини.

Хегле посмотрел куда-то вдаль и, встрепенувшись, сообщил:

Заболтались мы с тобой, Ульф. Вон уже кого-то за нами послали. Надо идти.

Я буду представлен Графу?

«Пусть только попадется мне на глаза этот тиран!»

Нет. Графине. Но не сейчас, а позже, при посвящении.

Каком посвящении?

Все узнаешь в свое время.

Как ни силился, я не мог избавиться от ощущения искусственности всего происходящего. Ни оттенок торжественности в тоне странного Хегле, ни мрачные, суровой ткани балахоны на приблизившихся к нам двух бородачах, церемонно поздравивших меня с прибытием в Графство, не могли убедить меня в реальности событий, в которых я волею судьбы принимал участие. Впрочем, сама местность уже не казалась мне странной – каких только ландшафтов не создала природа на европейском севере – от песчаных дюн до дремучих непроходимых лесов, от равнин, пересекаемых гонимыми ветром беспокойными перекасти-поле, до тихих, ласкающих слух мерным шепотом волн заводей. Посему не приходилось удивляться тому, что здесь, чуть в стороне от нашего поселка (далеко меня утащить не могли), я не нахожу привычных колючек, а скалы кажутся мне незнакомыми. Единственно, что было мне непонятно – зачем эти люди устроили весь этот спектакль? Зачем нужна им эта – не очень умная – игра в Графство со всеми ее атрибутами, и как удалось

им, наконец, так распланировать территорию, что я, продвигаясь, как мне казалось, в прямом направлении, незаметно для себя сделал разворот и вернулся туда же, откуда вышел, вернее, выбежал?

Затем мне пришла в голову простая, но настораживающая мысль – уж не на территории ли какой-то лечебницы для психически больных я нахожусь? Это, конечно, объяснило бы все, хотя и означало бы дополнительные трудности. Впрочем, если это так, то самое разумное сейчас – помалкивать и делать вид, что всему веришь и со всем соглашаешься, иначе... О буйном нраве некоторых психических я был наслышан.

VIII

Еще издали я заметил башни графского замка, возвышающегося на центральной площади самого странного города из всех, что мне когда-либо доводилось видеть. Угловатые, большей частью сложенные из гранита или серого мрамора невысокие строения объединялись в сектора, отделенные друг от друга прямыми, посыпанными гравием улицами, по обочинам которых располагались в изобилии странного вида скульптуры и скамьи для отдыха, частично занятые вкушающими приятности городской идиллии группками людей. Некоторые из сидящих оборачивались и провожали нас глазами, но большинство не выказывало никакого любопытства

к моей персоне, продолжая свои неспешные беседы. Одежда этих людей удивила меня – старомодные, расшитые кружевами камзолы и завитые, ниспадающие на плечи парики одних поразительно контрастировали с простым, неброским платьем их собеседников, едва прикрывающим срам и говорящим, несомненно, о незавидном социальном положении последних. При первом взгляде на этих людей можно было бы подумать, что видишь перед собою господ, окруженных угодливыми слугами, но свобода осанки и дружеская раскованность, с которой попроще одетые люди общались со своими «богатыми» приятелями, свидетельствовали о том, что в этом странном Графстве и впрямь все равны.

Эй, Хегле! А что же это они так по-разному одеты? Мне казалось, что при всеобщем равенстве не должно быть такой несправедливости!

Где ты видишь несправедливость? откликнулся мой провожатый. – Одежда эта, как бы тебе сказать... пережиток прошлого, что ли... На отношениях между горожанами их наряд никак не сказывается.

Понятно.

На самом деле, ничего мне понятно не было, и я все больше и больше запутывался, переставая порою верить собственным органам восприятия. Но именно в тот момент я засмотрелся на какого-то бедно одетого, тощего рыбака, с азартом припавшего к сахарным устам некой расфуфыренной госпожи и норовящего проникнуть своей заскорузлой

ручищей в ее глубокое декольте, и мне стало не до Хегле и его объяснений. Мы шли все дальше, и рыбак с его высоко-родной зазубой остались за поворотом. Вместо средневеково-наряженных «страусов», как я их про себя окрестил, на улице стали все чаще появляться более современно одетые люди, и мало-помалу я перестал чувствовать себя словно в театральной гримерной. Впрочем, и эти, более близкие мне по своей внешности горожане ни чем особенным не занимались, переходя от здания к зданию или же просто рассевшись на одной из многочисленных скамеек, большей частью установленных в тени развесистых деревьев.

Что изменилось? Куда подевались камзолы и рюшки? поинтересовался я вновь, хотя и давал себе зарок ни о чем больше не спрашивать водящих меня за нос клоунов.

На сей раз мне ответил один из людей в балахоне, которых Хегле именовал графской челядью:

Город наш довольно своеобразный... Сектора его строились в очень разные отрезки истории, и обитатели предпочитают придерживаться духа того времени, когда был создан их сектор, только и всего. Разумеется, они вольны передвигаться, как им вздумается, но не удаляются, как правило, из своего района... Есть у нас, к примеру, сектор, жители которого просто... оборваны и вовсе не имеют имени, так что ж им, простите, за удовольствие показываться на глаза респектабельным горожанам?

Как это – люди без имени? Почему?

Ну... имена их не были внесены в городскую регистрационную книгу, и никто их не знает. Вообще, знания у нас – не самый ходовой товар, не очень понятно закончил человек в балахоне свое скрипучее объяснение и не вымолвил больше ни слова.

Я не переставал удивляться тому, что видел. Детей, по большей части разодетых в пух и прах, на улицах хватало – они чинно восседали подле своих мамаш или же вяло резвились у порогов своих домов – а вот молодежи было значительно меньше, и представлена она была в основном пареньками в рыбацких куртках – наподобие той, что была на Хегле – да бледными тощими девицами болезненного вида, томно вздыхающими и то и дело поглядывающими на небо, словно надеясь увидеть там ангела. Это именно про них пишут в романах о неразделенной любви и обманутых надеждах, именно эти девицы по любому поводу впадают в «нервную горячку» и терзают близких заявлениями о своей скорой кончине, сжимая в побелевших пальцах прощальную записку от неверного возлюбленного, до тошноты объевшегося их гонора и театральности.

На головах многих людей я заметил такие же точно венки, как и на Хегле. Каждый венок был ловко подогнан по размеру головы, словно кто-то очень серьезно занимался этим делом, придавая ему большое значение. Должно быть, этот головной убор был весьма популярен среди горожан, но все же большая часть публики вместо венка носила повязанную

вокруг лба ленточку из блестящей ткани, которая, впрочем, смотрелась тоже довольно-таки необычно. Я обратил внимание на то, что молодые люди, как правило, предпочитали венки, тогда как старики почти все поголовно украшали себя ленточками, хотя бывали и исключения. Среди ребятишек хватало и того, и другого, и я поинтересовался у Хегле, чем вызвано такое различие вкусов и зачем вообще цеплять себе что-то на голову?

Вкусы тут не при чем, охотно пояснил тот. – Просто так легче распознавать, кто является подданным Графа, а кто Графини. По большому счету, это не имеет никакого значения, и уж во всяком случае не является отличительным классовым признаком, но так уж повелось, и никто не в состоянии изменить этого предписания. Что, опять скажешь – несвобода? – Хегле остановился и посмотрел на меня испытующе. – А разве тебе не нравятся эти прекрасные туберозы, что вскоре, после посвящения, будут так же обрамлять и твою голову, как обрамляют мою? Чем мой венок хуже, скажем, цилиндра англичанина, без которого он никогда не выйдет из дому, или мехового треуха жителя Сибири, что за зиму намертво прирастает к его голове? Неужели, спрашиваю я тебя, парики парламентских клоунов или шляпы вьетнамцев красивей, чем мой венок из тубероз, таких свежих и прекрасных?

Я понял, что мой новый знакомый был чрезвычайно задет, если не оскорблен моим неосторожным вопросом, и по-

спешил исправиться:

Нет-нет, Хегле, я вовсе не это хотел сказать... А ты, я вижу, осведомлен о жизни вне графства? И вьетнамцев знаешь, и сибиряков...

Парнишка самодовольно хмыкнул.

А ты что ж, думаешь, я не через те же ворота сюда пришел, что и ты? И мне доводилось, ты знаешь, и книжки читать, и на веслах сидеть. Однако все это не мешает мне оставаться довольным своим венком и тем, что моя госпожа – прекрасная Графиня.

«Да... Видать, крепко держат их тут эти графья, и не дернешься...», подумал я грустно.

Может, я ошибаюсь, осторожно начал я, боясь вновь расстроить чувствительное сердце моего не в меру обидчивого собеседника, но мне кажется, что подданных Графа гораздо больше, чем людей в венках...

Это так, но тем больше у тебя будет поводов гордиться тем, что ты принадлежишь Графине.

«О! Я уже кому-то принадлежу!»

Лишь теперь мне пришло в голову спросить, куда мы, собственно, идем. Хегле пояснил:

Пока я знакомлю тебя с городом, а затем покажу тебе, где я обитаю, потому что, полагаю, тебе тоже придется там поселиться.

Почему?

Так... есть соображения.

А что, у тебя такой же большой дом, как вон тот? спросил я скорее из вежливости, чем из любопытства и указал на внушительных размеров гранитное здание, архитектурой напоминающее дворец, у входа в которое рядком сидела целая толпа разномастно одетых людей всех возрастов.

Да ну нет, конечно, устало ответил Хегле, не удостоив жителей дворца и мимолетного взгляда. В таких сооружениях живут целыми родами; люди эти, как правило, величавы и, за редким исключением, являются подданными старого Графа. Я же одинок, все те, кто мог бы разделить со мною дом, либо нашли прибежище в других городах, либо и вовсе не добрались еще сюда. Дом, правда, достаточно большой – отец мой планировал в будущем тоже в нем поселиться, но теперь, думаю, его часть отведут тебе... Ведь мы, можно сказать, родные люди!

Как так?

Да-да, вздохнул почему-то Хегле. – Выходит, что так.

Не успел я выразить ему свое сомнение по поводу только что выданной им информации, как внимание мое привлекла еще более удивительная вещь, заставившая меня на время забыть и о самом Хегле, и о его странных речах. Дело в том, что на противоположной стороне узкой улицы, чуть впереди себя, я увидел Оле. Он шел, испуганно, но не без любопытства озираясь, в сопровождении какого-то заросшего косматой бородой старика в полотняной рубаше и прихрамывающей на правую ногу кривобокой старухи, все время норовя-

щей взять его под руку. Старики вели себя так, словно только что встретили с поезда долгожданного гостя, не отходили от него ни на шаг, то и дело заглядывали ему в глаза, ища в них одобрения своим действиям, и по очереди обирали соринки с его поношенной, грязной рыбацкой тужурки.

«Если он все это подстроил, подумалось мне, то мастерски... Хотя зачем бы вся эта толпа народу стала в угоду ему бросать свои дела и дурачить заезжего парнишку?»

Первым моим побуждением было окликнуть Оле и спросить у него, что он обо всем этом думает, но что-то удержало меня от этого. Возможно, я просто стеснялся случившегося со мной провала памяти, да и история с Йонкой явно не способствовала укреплению нашей с ним дружбы. Мне показалось, что особой любви к атаковавшим его старикам Оле не испытывал, поглядывая на них настороженно и заблаговременно увертываясь от назойливых попыток старухи войти с ним в телесный контакт.

Хегле поймал направление моего взгляда.

Это тот малец, что пришел вместе с тобой? Кто он?

У меня появилось желание щелкнуть его по носу, но я сдержался – в конце концов, Хегле кажется совсем не плохим парнем, и вопросы его, пусть и несколько навязчивые, вполне закономерны.

Это – Оле, мой приятель. Его отец рыбачит в том поселке, где живет мой дед, и мы часто проводили свободное время вместе. Но я, право, не знаю, что ты имеешь в виду, говоря,

что он пришел вместе со мной. Я ведь уже говорил тебе, что не помню, как здесь оказался, и был бы очень удивлен, скажи мне кто-нибудь, что я пришел сюда своими ногами.

Хегле рассмеялся.

Так всегда бывает. Но потом ты все вспомнишь... Только, чур, не биться в истерику и не бросаться в драку!

Так это была все же твоя затея?!

Упаси Бог!

Тогда почему же я должен броситься на тебя?

Он пожал плечами.

Не знаю. От отчаяния или по глупости.

Я махнул рукой и решил до поры не обращать внимания на множасьщиеся вокруг меня загадки когда-то все само собой разрешится.

Через некоторое время мы повернули направо, и вскоре Хегле остановился перед невысоким зданием серого камня, прячущимся за густо разросшимися кустами какой-то дикой ягоды. Архитектура дома была очень необычной, впрочем, как и все в этом странном городе. Декоративные, не несущие никакой функции башенки на плоской кровле придавали жилищу Хегле вид кукольного домика, а узкие стрельчатые окна фасада завершали картину сказочного мини-замка. У посыпанной гравием дорожки, ведущей через крошечный сад к дому, была вкопана железная скамейка, при виде которой у меня вдруг заныли ноги.

Присядем? спросил я моего спутника, ступая на дорожку.

Как хочешь. Скамейка, в принципе, задумана для гостей, но ты можешь передохнуть на ней, поскольку в дом тебе все равно еще нельзя.

Почему это? обиделся я, удивленный таким негостеприимством.

Потому что ты еще не причащен, последовал спокойный ответ Хегле. – Как только Графиня наденет тебе на голову венок – а произойдет это позже, на Главной площади – ты сможешь тут поселиться вместе со мной. Да-да, думаю, так и будет.

Не скажу, что испытывал дикое желание разделить с Хегле сомнительный уют его каморки, но, как уже сказано выше, я решил не лезть на рожон и не пытаться пока диктовать кому-либо свою волю. Сначала надо разобраться с тем, где я вообще нахожусь, и что из себя представляют эти графья... Я почти не сомневался в том, что речь идет о каких-нибудь нравственно распавшихся проходимцах, воцарившихся среди психически больных отщепенцев и возомнивших себя богами. Не исключено, что всем этим сидящим, лежащим и бродящим повсюду полулюдям-полутениям скармливается какое-нибудь снадобье, лишшающее их воли и способности адекватно реагировать на происходящее. Но как же, черт возьми, нас-то с Оле сюда занесло? Не иначе, как действует какая-то банда, добывающая мнимым графам новый материал для их бесчеловечных опытов. Да вот Хегле, к примеру, чем не член такой банды? Он был первым, кого я уви-

дел в этом странном краю, полном расфуфыренных, искусственных марионеток, он привел меня в чувство и сопровождает теперь в моей первой экскурсии по этому огромному сумасшедшему дому, словно Белый Кролик Алису в Стране Чудес. Наверняка ему поручено присматривать за мной, дабы я не сбежал...

Тут я вспомнил о моей неудавшейся попытке побега и, погрузившись, впился взглядом в линию горизонта, странно изогнутую и тоже словно бы декорированную, как и все вокруг. Удастся ли мне когда-нибудь вновь очутиться по ту сторону проклятой границы, прочность которой так восхвалял мой провожатый?

Хегле по-своему истолковал мою печаль:

Не волнуйся, прием у Графини ты не пропустишь, и могу заранее сказать, что это будет самый запоминающийся прием из всех, на которых ты когда-либо бывал.

Не сомневаюсь.

Небо вдруг посерело, и в воздухе запахло какой-то мерзостью, напоминающей отраву для крыс. Не чувствовалось ни малейшего ветерка, кусты и деревья стояли не шелохнувшись, словно вырезанные из картона, и ни одной, даже случайно заблудшей, птицы я не различил в их по-осеннему вялой листве. Люди, до того преспокойно наслаждавшиеся ничегонеделанием на улицах города, вдруг разом заспешили куда-то, засуетились и стали один за другим исчезать в туск-

лых чревах своих жилищ, глотающих их комичные фигурки, словно кит стайки рыбешек. Все это выглядело так, будто кто-то невидимый дал беспечным горожанам сигнал расходиться, и они не смели его послушаться. Хегле тоже с тоской взглянул на, должно быть, манящий его узкий вход в его берлогу, но остался стоять у скамейки.

Не пора ли тебе отдохнуть? съязвил я, не очень понимая суть происходящего.

Хорошо бы, ведь позже начнется церемония посвящения и нужно быть готовым, ответил он, то ли не уловив моей иронии, то ли решив не подавать виду, но сейчас я должен идти, чтобы не пропустить встречу.

Что за встреча? Какое-то городское мероприятие? к своему изумлению, я начал вдруг испытывать интерес к происходящему.

Это личное. Могу лишь сказать, что рад был получить разрешение повидаться с ней.

Получить разрешение? переспросил я удивленно. Ты что же, и увидеться с кем-то по своей воле не можешь?

Могу, вздохнул Хегле, но для общения с теми, кто находится за пределами Графства, требуется высочайшее разрешение Графини.

Опять не Графа?

Я же говорил тебе, что для нас с тобой Графа не существует, лишь Графиня.

И трудно получить такое разрешение?

Мне – да.

Это почему же? Ты что, изгой?

Хегле помолчал, затем нехотя промолвил:

Не в этом дело. Просто некто со стороны моря постоянно пытается проникнуть в Графство и войти в контакт со мной, а такая назойливость, сам понимаешь, не может нравиться Графине, вот она и сердится на меня. Опальный я, одним словом.

Ну надо же! И у вас тут «дворцовые интриги» процветают? А кто этот «некто», который пытается связаться с тобой?

Да это... в общем, неважно. Заболтались мы с тобой, а я должен идти, иначе пропущу...

И Хегле зашагал прочь по опустевшей улице, не выдав никаких указаний касательно моего дальнейшего времяпрепровождения.

Эй, Хегле! закричал я ему вслед и удивился, как приглушенно и тускло прозвучал мой, обычно такой звонкий, голос. Парнишка не обернулся, словно не слышал меня, и через каких-нибудь десять-пятнадцать секунд я уже едва различал его фигуру среди однообразных серых строений. Поняв, что, если не поспешу, то могу и вовсе потерять его из виду, я вскочил и бросился вдогонку, стараясь, тем не менее, оставаться незамеченным. Мне не улыбалась перспектива быть отчитанным, словно нашкодивший пацан, и я предпочитал сохранять известную дистанцию.

Спешивший Хегле петлял по узким улочкам города, сре-

зая углы и перепрыгивая через газоны, в изобилии разбросанные почти перед каждым домом. Благодаря поднятому воротнику и угловатой фигуре вид он имел весьма злобный, напоминая злоумышленника, пользующегося паузой в городской жизни для своих темных делишек. Он не оглядывался и не видел меня, хотя, думаю, ему было все равно, иду ли я за ним он был слишком занят своими мыслями.

Спустя какое-то время я увидел, что мы приблизились к самой окраине города, к той границе, пространство за которой странным образом искажалось, не оставляя шансов беглецам. Однако, по всей видимости, это его свойство охраняло город и от вторжения извне, иначе не миновать бы всем этим странным театрам, проживающим здесь, наплыва нежелательных посетителей, которые, несомненно, в два счета поставили бы все с ног на голову.

Достигнув большого, очертаниями напоминающего церковь, здания, Хегле замедлил шаг и вскоре вовсе остановился. Укрывшись за каким-то углом, я проследил направление его взгляда он смотрел на странную, увитую вьющимися растениями арку, контуры которой выступали из окутывавшего церковную ограду тумана. Густой туман заполнял и проем арки, так что лишь напрягши зрение я сумел рассмотреть стоящую в ней женщину в длинном, до самой земли, светлом одеянии. Волосы женщины свободно ниспадали ей на плечи, правой рукой она упиралась в стену арки, и широкий рукав ее платья, треугольником вырисовывавшийся на темном фо-

не, напоминал крыло ангела, как их изображают на церковных фресках. Через пару минут туман поредел, и я без труда разглядел лицо женщины – худое и вытянутое, со скорбно опущенными уголками рта и обрамленными сетью морщинок глазами. Черты этого лица являли разительное сходство с чертами моего нового знакомого Хегле, и у меня не осталось сомнений, что фигура в светлом платье связана с ним кровными узами. Но что значит весь этот маскарад?

Я продолжал наблюдать за происходящим, но ничего интересного не увидел. Хегле осторожно, словно к вековой китайской вазе, приблизился к женщине и, остановившись в нескольких шагах от нее, заговорил. С того места, где я стоял, нельзя было различить отдельных слов, но по монотонности голоса и отсутствию ярких интонаций я догадался, что встреча была «дежурной» и ни о чем особенном речи тут не шло. Спустя некоторое время дама протянула к Хегле призывно обе руки и, когда он подошел достаточно близко, заключила его в объятия. По тому, как судорожно впилась она белыми худыми пальцами в заскорузлую ткань матросской куртки парнишки, я понял, как сильны чувства этой женщины и сколько мучений приносят ей эти короткие встречи.

Все randevу длилось не более трех-четырех минут. Фигура в светлом платье разомкнула объятия, и черный дым-туман вскоре вновь заполнил проем арки, скрыв ее из виду. Хегле, опустив голову на грудь, повернулся и пошел прочь, по направлению ко мне. Я не стал прятаться и вышел из сво-

его укрытия, ожидая справедливых упреков в шпионаже, однако для парнишки, как оказалось, мое присутствие здесь не было столь уж неожиданным. Он поднял на меня глаза, тускло улыбнулся и спросил:

Видел?

Видел, ответил я просто, так как не знал, что еще сказать. — Это твоя мать?

Хегле кивнул.

На большее мы рассчитывать не можем. Ей нельзя жить в Графстве, и спасибо правительнице, что она вообще разрешает нам видаться.

Но почему? Почему твоя матушка не может быть рядом с тобой? Всему виной искаженное пространство?

И оно тоже. Но главным образом тот факт, что моя мать — преступница и не смеет надеяться на расположение Графа или Графини.

Я замер, ошеломленный.

Что ты имеешь в виду? Какое преступление она совершила?

Одно из самых страшных, непростительных... Но не будем об этом.

Мне было досадно, что приятель не посветил меня в подробности, но я постарался не подать виду, что обуреваем любопытством. В конце концов, когда-нибудь я все узнаю.

Хорошо, как скажешь. Ну, а где твой отец? Он-то может жить здесь?

Хегле нерадостно усмехнулся:

Отец-то мой и виной тому, что Графиня осерчала на меня. Он живет у моря и без конца пытается проникнуть сюда, выдумывая всевозможные каверзы и приемы. Графиня злится и отыгрывается на мне, ограничивая свидания с матерью. Впрочем, отца нельзя винить – ведь он просто не знает, какие трудности у меня из-за него возникают.

Тут уж я и вовсе не нашелся, что сказать. До чего странные законы в этом Графстве! Если это именно та страна, попасть в которую так мечтает мать Йонки, то она очень переоценивает здешние блага!

Слева от нас я заметил худого, сутулого бородача, который, понунив голову, также неспешно двигался в сторону города. Судя по его довольно потрепанному одеянию, он жил в одном из кварталов «попроще», хотя, если верить Хегле, в городе не существовало классового общества. Я подумал было, что старик тоже встречался с кем-то, кому нельзя появляться в Графстве, но мой спутник пояснил мне, что я ошибаюсь:

Нет-нет, этот не со свидания... Просто он совсем еще недавно в Графстве и ищет путей к морю, бедолага, несмотря на то что Граф принял его со всеми полагающимися почестями. Впрочем, поначалу многие не желают осознавать реальность. Помнишь твой недавний «забег» по окрестностям?

Я помнил. Между тем дорога, по которой шел старик, пересеклась с нашей, и мы пошли рядом. Оторвав голову от

груди, он посмотрел на меня задумчивым взглядом и, ничего не сказав, отвернулся. Мне стало жаль его, грустного, и я отвернулся тоже. Где-то я уже видел эту всклокоченную бороду и длинные седые волосы, перетянутые сейчас ленточкой из блестящей ткани в знак подданства Графу.

IX

Теперь, по прошествии стольких лет, я думаю, что город, где жил Хегле, не был таким уж скучным и невыносимым, как мне тогда показалось. С высоты моего возраста я совсем уж иначе оцениваю и размеренную жизнь тех улиц, и забавную чопорность некоторых горожан, и терпеливые попытки моего спутника примирить меня с новой ситуацией. Тем печальнее кажутся мне мое тогдашнее упрямство и нежелание окунуться в чудесную, неповторимую атмосферу тамошней жизни, лишившие меня возможности обогатить свой внутренний мир новыми, искренними переживаниями. Моей единственной целью тогда было выбраться оттуда, покинуть город, встретивший меня, как я полагал, не очень дружелюбно, и я, подобно охваченному блажью ребенку, упорно сопротивлялся реальности, за выдуманной обидой не замечая ее позитивных сторон.

Ориентироваться в городе было легко – кварталы его располагались вокруг возвышающегося в центре замка, откуда Граф и Графиня правили своей вотчиной. По какой бы тро-

пе ты ни пошел, она, соединяясь с другими, словно притоки и реки, в конце концов выводила тебя на главную площадь, к самым воротам этого величественного строения, в котором мне предстояло сегодня пройти процедуру посвящения и стать полноправным жителем Графства. На все мои вопросы касательно этого мероприятия Хегле отвечал уклончиво, повторяя лишь, что разочарован приемом я не буду. Говоря о Графине, он почему-то всегда понижал голос и подпускал в него интонации глубочайшего поклонения и едва сдерживаемого восторга, из чего я заключил, что он, несмотря на опалу, преисполнен истинной любви к своей строгой госпоже. Ну, да это было его дело, я же не собирался поклоняться неизвестно кому, тем более персонажу, в котором я не без оснований подозревал персону шарлатанскую.

На улицах снова стали появляться люди. Однако теперь они не шатались без дела меж домов и не занимали уютными компаниями свои инкрустированные камнем и резьбой скамейки, а группками и в одиночку выходили на ведущие к замку тропинки, направляясь на церемонию. Настроение среди них царило торжественное, степенные мужчины не позволяли уж себе вольностей по отношению к их бледным, гордо несущим свои бюсты и попы спутницам, и немногочисленные детки, облепив родителей, оставили на время свои вечные забавы и вели себя как подобает. Люд попроще, облаченный в распространенные здесь рыбацкие куртки да свободные, перехваченные поясом, рубахи, также ни-

сколько не тушевался в обществе своих похожих на индюков приятелей и гордо вышагивал в направлении графского замка. Завидев меня, многие кивали и улыбались – видимо, слух о том, что именно я являюсь виновником сегодняшнего торжества, уже облетел окрестности и позаботился о повышенном ко мне внимании. Краем глаза я заметил, как какая-то девица попыталась играючи взять под руку Хегле, но тот вдруг отпрянул от нее, словно обжегшись, и даже перешел на другую сторону улицы, велел мне следовать за ним.

Кто это? полюбопытствовал я, когда гневный блеск его глаз начал стихать.

Да так, одна... уклончиво ответил мой провожатый, всем своим видом показывая, что тема разговора ему неприятна.

Я вижу, она тебя испугала? продолжал допытываться я совершенно бестактно.

Не в этом дело.

В чем же?

Просто... одна из них уже живет в моей душе, и ей я верен! последовал высокопарный ответ, и глаза Хегле осветились странной смесью эмоций.

Покажешь мне ее?

Не могу. Она живет у моря, и к ней нет дороги.

И ты не можешь ее забыть?

Забудешь тут... Ведь это именно она выдала мне путевку на переселение сюда, а сама осталась там!

В его голосе зазвучала горечь, и я решил не мучить боль-

ше несчастного влюбленного, хоть и ровно ничего не понял из того, что он сказал, кроме того, пожалуй, что нравственные идеалы этого парня бесконечно выше моих собственных.

Площадь перед замком заполнилась людьми. Все в ожидании смотрели на массивные, испещренные замысловатыми письменами и рисунками ворота, которые вот-вот должны были открыться. По всему было видно, что большинству собравшихся не впервой такие приемы, и лишь я не имею понятия о том, что ждет меня в замке. В толпе я заметил бородача, виденного нами недавно у границы Графства, вид у этого человека был потерянный и жалкий, он не прибился ни к какой компании и стоял один, переминаясь с ноги на ногу и явно чувствуя себя не в своей тарелке. Я вспомнил свой первый день в новой школе, когда единственными знаками внимания со стороны моих будущих товарищей были насмешки и язвительные замечания, и посочувствовал печальному старику. Как ни крути, а Хегле все же пекся здесь обо мне, бородач же, похоже, был один-одинешенек. Я хотел было подойти к нему и заговорить о чем-нибудь, но в этот момент ворота замка начали открываться, и все мое внимание переключилось на них.

Когда створки ворот, распахнувшись, замерли, горожане не спеша потянулись в освещенную множеством факелов утробу замка. Никакой прихожей не существовало, входивший сразу же оказывался в огромном, лишенном окон оваль-

ном зале с выложенным гранитными плитами полом, в середине которого высился огражденный цепями помост, напоминающий алтарь. Ближайшая к входу часть помоста была ярко освещена, дальняя же утопала во мгле, словно свет факелов не осмеливался проникнуть за невидимую преграду. Такая игра света и тени была довольно необычной, и я невольно начал гадать, в чем же фокус.

Понемногу люди, руководимые каким-то внутренним импульсом, расступились и стали вдоль сырых, испещренных ручейками влаги, стен, оставив середину зала свободной. Хегле тоже потянул меня за рукав и указал на специально отведенное место у самых ворот, откуда я чуть позже должен был прошествовать к алтарю для обряда посвящения. Оглядевшись, я вдруг увидел с другой стороны прохода Оле, по-прежнему окруженного его хлопотливыми стариками, которые, впрочем, теперь вели себя спокойно, поддавшись величественности момента. Я хотел было окликнуть приятеля, но не стал делать этого – слишком уж неприступный и гордый был у него вид. Я не знал, заметил ли он меня, но имел все основания полагать, что наша встреча не принесет ему особой радости.

Впустив всех без исключения, створки ворот снова закрылись, а откуда-то сверху, из темноты, донеслись звуки колокола, извещающего о начале праздника посвящения. Высоко, под невидимыми сводами замковой залы захлопали крылья, и гулкое эхо этих звуков прокатилось, проаукало по все-

му зданию, повергнув собравшихся в состояние священного ужаса. Я, помню, замер, ноги мои стали ватными – я почти не чувствовал их, и ожидание чего-то необычайного и неминуемого заполнило все мое существо, пульсируя в голове неясной радостью. Должно быть, то же самое чувствует человек, когда рождается...

Я почему-то знал, что нужно смотреть на помост, и, напрягши все свои органы чувств, впился взглядом в его неосвещенную часть. Какое-то время я ничего не видел, но потом старания мои были вознаграждены: из пятна мглы проступили две внушительные фигуры, с царственной осанкой восседающие в своих массивных, с высокими, украшенными причудливой резьбой спинками, креслах. Поначалу это были лишь размытые, скорее угадываемые, чем видимые, силуэты, но по мере того, как освещенность тронного помоста менялась, фигуры правителей становились все более реальными, почти осязаемыми.

Тех, кто столь величественно предстал взорам своих подданных, я неведомым образом узнал сразу, словно они были моими старыми знакомцами: седовласый, несказанно старый Граф с запавшими глазницами и мутным, усталым взглядом из-под прикрытых век, и его грациозная половина, до кончиков пальцев облаченная в черное – прямая, чопорная и угловато-опасная, словно ножницы. Платье ее словно влитое обтягивало худые бедра, прямой, без малейших признаков украшений воротник поднимался, на средневековый манер,

выше головы, а бесподобной бледности лицо не несло ни следа эмоций, более всего напоминая застывшую маску японского театра. Одним словом, я сразу понял, что передо мною – Графиня.

Замерев на границе света и тьмы, пара властителей Графства позволила присутствующим вдоволь насладиться своей величественностью и мощью, прежде чем старый Граф, с видимым усилием опершись своими большими, костлявыми руками на подлокотники трона, поднялся и, чуть выступив вперед, обвел глазами зал. Замершие вдоль стен люди не смели шелохнуться, скованные почтительным восторгом, и звон колокола, предварявший церемонию, вдруг стих, позволив воцариться абсолютной тишине, которой не бывает во внешнем мире, наполненном жизнью.

Наконец, насладившись произведенным эффектом, Граф нарушил молчание, произнеся слабым, сиплым голосом тяжелобольного человека:

Подведите для посвящения...

В толпе зрителей послышался шорох и две ничем не примечательные особы мужского пола, в которых я определил представителей графской челяди, вышли в середину зала, ведя под руки какую-то тощую, согбенную старуху, настолько древнюю и немощную, что она вряд ли понимала, где находится и что происходит вокруг нее. Ее белесая от бесконечных стирок юбка была такой длинной, что скрывала ее ноги до самой земли, но шарканье подошв старухи о камен-

ный пол было все же хорошо слышно. Голова ведомой находилась ниже уровня плеч, руки ее заметно тряслись в пляске святого Витта, и весь ее облик являл собою Старость.

Сопровождающие подвели старуху к самому помосту и, удостоверившись, что та может стоять без поддержки, отступили в тень. Фигура Графа, по сравнению со щуплым старушечьим тельцем казавшаяся просто огромной, нависла над нею, и властитель, прошептав несколько слов, которые мне не удалось разобрать, возложил руки на седую голову посвящаемой. Когда же он отнял их, старуха, к моему изумлению, вдруг словно ожила, выпрямилась и, освобожденная от немощи и недугов, повернулась к собравшимся. В широко раскрытых глазах ее теперь блестели разум и лукавство, радостная улыбка оживляла старческие черты, а вокруг лба блестела ленточка – знак подданства Графу, которую тот успел ей ловко повязать. От помоста бабка прошествовала уже сама и, довольная произошедшим, смешалась с толпой созерцателей торжества. Старый же Граф, окончив на сегодня свою миссию, отступил назад и вновь занял свое место на троне, где тут же погрузился в полудрему.

Настал черед его дражайшей половины. Для меня по-прежнему оставалось загадкой, какими признаками руководствуются власть держащие при распределении подданства: увидев старуху, я предположил было, что основным критерием является возраст, но потом вспомнил, что видел среди горожан как стариков с венками на голове, так и мо-

лодых людей с лентами... Что же тогда?

Графиня, молодая и лучащаяся грацией и спокойствием, выскользнула из недр своего позолоченного трона и ступила на край помоста, призывно подняв руки. Признаться, меня обрадовала мысль, что именно она будет проводить мое посвящение, а не старый брюзга – ее владетельный супруг. Я с замиранием сердца ожидал момента, когда длинные, жесткие пальцы Графини прикоснутся к моей голове, и был сам себе противен из-за начавших прорастать во мне побегов раболепства. Видимо, эта строгая особа имела безграничную власть над людьми и пользовалась ею нещадно, а иначе чем объяснить это мое чувство?

Однако, как оказалось, моя очередь посвящаться еще не пришла: неизвестный «бальный распорядитель» поставил Оле впереди меня в списке, и мне пришлось набраться терпения и смотреть, как проходит свою процедуру приема в графские подданные мой недавний товарищ и соперник. Он, сопровождаемый отнюдь не бравой челядью, но все теми же стариком и хромой старухой, всю дорогу до помоста продолжавшими обирать с него соринки, предстал пред холодные очи Графини. Старики отошли в сторону, и Оле остался один на один со своей будущей госпожой. Та, чуть приподняв его голову за подбородок, взглянула ему в глаза и, чуть помедлив, простерла ладони над его белобрысой головой. В руках графини откуда-то появился венок из белых цветов, который секундой позже стал головным убором рыбацкого сына. Оле

хотел было в порыве благодарности схватить руку Графини, но пальцы его поймали лишь воздух, а холодный кивок правительницы отослал его назад в толпу, полноправным членом которой он теперь являлся. Когда он шел назад, я на долю секунду встретился с ним глазами и убедился, что парнишка действительно счастлив.

Хегле тронул меня за рукав, давая понять, что очередь дошла и до меня. «Иди и не оборачивайся – позади уж нет ничего» сказал он и чуть подтолкнул меня в сторону помоста. Я встрепнулся, и внезапный страх охватил меня при мысли, что и мою голову вот-вот обхватят тугие стебли венка, превратив меня в одного из них – этих счастливых, почти лишенных всякой индивидуальности графских подданных. Однако выбора мне не оставили – на негнущихся ногах я прошествовал к помосту и вытянулся перед точеной фигурой, стремясь уступать ей в росте как можно меньше. Это мне не удалось: величественность и грациозность женщины подавили меня, заставив втянуть голову в плечи и молить Господа о скорейшем завершении процедуры. В этот момент я готов был поклясться, что, кем бы на самом деле ни являлась суровая властительница – человеком она не была. И сейчас, по прошествии уймы лет, мне не забыть колючего взгляда ее бесстрастных глаз, которым она одарила меня тогда, хотя не думаю, чтобы Графиня выделяла кого-то из своих подданных: просто такая – колючая и бесстрастная – была ее сущность. Да и с чего бы это ей улыбаться мне? Ведь власть в

Графстве не была выборной...

Медленно, словно раздумывая, делать ей это или нет, подняла Графиня руки над моей головой, а секунду спустя на ее раскрытых ладонях уже лежал – туго сплетенный и свежий – венок из тубероз, который должен был навеки обратить меня в подданного этой черной особы. Я закрыл глаза в ожидании прикосновения к моему лбу сочных стеблей и забыл о своих страхах. Процедура посвящения была почти окончена, и, получив венок, я смогу вернуться в компанию Хегле и тех, кто должен был отныне стать моей семьей. Однако тут произошло нечто такое, что помешало ей водрузить мне на голову знак своей власти: за спиной я вдруг услышал звук отворяемых ворот замка и вздох удивления, пронесшийся в толпе, а затем гулкие, размеренные шаги, приближающиеся к помосту, на котором я стоял. «Не оборачивайся... позади ничего...» вновь зазвучали у меня в голове слова Хегле, и я, скованный неизвестно откуда взявшимся страхом, не посмел обернуться.

Открыв глаза миг спустя, я увидел лицо Графини. Ни один мускул на нем не дрогнул, ни одна эмоция не отразилась в ее холодных глазах – не опуская рук с венком, она просто стояла и смотрела на того, кто приближался. Наконец шаги за моей спиной замерли, и я услышал голос – низкий и скрипучий, звучащий словно из недр пещеры:

Не делай этого. Убери венок.

Отчего ж? мерно и выдержанно, словно рожденный гул-

кой бесконечностью, прозвучал ответ, положив начало следующему, непонятному мне диалогу:

Убери... до поры. А сейчас сплети мой.

И ты оставишь меня в покое?

А разве можно иначе?

Вряд ли.

Ну, так что ж?

Пусть будет так. Но этот венок ты наденешь позже!

Последние слова были обращены уже ко мне. Графиня, ожидая ответа, не отводила от меня своих ужасных глаз, и я, сам не зная почему, кивнул.

В этот момент, отделившись из толпы, ко мне бросился тот самый бородач, которого я уже дважды встречал здесь. Не обращая внимания на прокатившийся среди горожан гул возмущения, он быстро шепнул мне в самое ухо: «Прошу, сруби акацию, из-за нее мне не видно заката!» и снова растворился в толпе. Ничего не поняв, я пожал плечами и огляделся в поисках моего товарища.

Хегле вывел меня из замка и, ничего не говоря, довел до границы Графства. Здесь он указал мне на едва заметную в траве тропку:

Иди по ней.

Куда? не понял я сначала.

К морю.

Но ведь ты говорил, что к морю выйти невозможно?

Графиня ведь дала тебе разрешение... Так что – увидимся

позже. Но не забывай, что одной ногой ты уже побывал здесь!

И Хегле снова ушел в город, очертания которого становились все более размытыми, а я направился туда, куда он мне указал – к морю. Домой.

X

Открыв глаза, я увидел, что лежу, укрытый одеялом, на узкой жесткой кровати в большой комнате, освещенной тусклыми оранжевыми лучами массивной лампы под жестяным куполом. Лампа висела в другом конце помещения, так что мое ложе оставалось в тени, что меня вполне устраивало. Воздух был напоен запахом касторки и еще чего-то едкого, щекочущего в носу и навевающего неприятные мысли о больнице. Кстати, поразмыслив и сопоставив все увиденное, я пришел к неизбежному выводу, что учреждение, в котором я нахожусь, именно больницей и является, свидетельством чему были еще несколько коек со стонущими на них телами да две-три сестры милосердия, снующие по комнате и даже здесь, в жарко натопленном помещении, не снимающие свои монашеские головные уборы.

У меня ломило все тело, гудела голова и нещадно чесалась левая лопатка, до которой – я по опыту знал – мне не дотянуться. Я вытащил из-под одеяла руку и поводил ею по воздуху, удивляясь тому, как мало в ней силы. Я заметил, что рука моя похудела и как-то съежилась, а кускам засохшей

грязи под ногтями и вовсе не смог найти объяснения. Я попытался двинуть нижней частью туловища и, когда это мне не удалось, по-настоящему насторожился: что я, собственно, здесь делаю?

Я постарался собрать все мысли воедино и воссоздать в памяти последние события. Но, как я ни силился, последним моим воспоминанием оставалась прогулка по указанной Хегле тропке до границ злокозненного Графства, выбраться из которого мне помог – как я сейчас понимал – лишь счастливый случай. Помнится, я шел и шел, время от времени оборачиваясь на исчезающий в тумане город, пока не оказался у той черты, за которой искажалось пространство...

О, хвала тебе, Господи! прервал чей-то приглушенный выкрик тяжелый ход моих воспоминаний. – Взгляните-ка, сестра Оттилия, он очнулся!

Обе похожие на пингвинов сестры заспешили в мою сторону и, обступив кровать, стали на все лады восхвалять Всевышнего, не забывая трогать мне лоб, поправлять одеяло и выполнять прочие манипуляции по уходу за больными.

Послушайте, сестра, обратился я к той из них, что казалась мне помоложе, так это и вправду больница?

Госпиталь Святого Юлиуса, откликнулась вторая. – Но как же это хорошо, что ты пришел в себя! Славь Господа нашего, малыш, что так дешево отделался – никто уж и не чаял говорить с тобой!

– Госпиталь Святого Юлиуса? Это тот, что в Нордхаузене?

Именно! одна из монашек пыталась подбить мою ставшую плоской подушку, вторая же тем временем чаялась пропихнуть мне в рот ложку с какой-то терпкой жидкостью, должно быть супом. – Изволь отведать бульону, он поставит тебя на ноги!

Клотильда! с укором одернула вторая свою товарку. – Подбирай слова!

Ох ты, Господи, и правда! спохватилась та, что помоложе, и на всякий случай перекрестилась. – Я лишь хотела сказать...

Ничего не надо говорить, дай ему прийти в себя!

Верно, верно...

Признаться, смысл диалога моих добрых сиделок остался мне неясен, но я не очень-то задумывался об этом, имея гораздо более важные вопросы.

Скажите, сестры, что произошло? Почему я здесь?

Монашки переглянулись и враз запричитали:

Ох, да ты и память потерял! Бедняжка!

И все же?

Ну, несчастный случай с тобой приключился... Все были уверены, что ты не выживешь, а вот гляди-ка!

Тут, на мое счастье, в палату вошел доктор, которому каким-то образом стало известно о переменах в моем состоянии, и дружелюбно, хотя и осторожно, поприветствовал меня. От этого маленького человечка в огромных очках веяло спокойствием и выдержкой, что меня чрезвычайно обрадо-

вало. Он поинтересовался моим самочувствием и, потрогав мне лоб, с удовлетворенным видом доложил:

Горячка ушла, теперь дело быстро пойдет на поправку.

Как долго я уже у вас, доктор?

Да почти две недели.

Что?! пораженный, я попытался подняться, но мне это снова не удалось, что было не удивительно: после двух недель постельного режима силы покинули меня.

Спокойно, спокойно, врач похлопал меня по плечу. – Ты свалился со скалы и немного... хм... повредился. Но хорошо, что в живых остался, хотя после таких травм... Это, ты знаешь, и впрямь похоже на чудо. Ну, да тебе действительно лучше и, если ты съешь пару ложек бульону, я впущу к тебе посетителя.

Посетителя? переспросил я, открывая рот для ложки угодливо поднесенной монашкой жижи.

А как же? Или ты думал, что за две недели никто не соскучился по тебе?

Веселый эскулап подмигнул мне и вышел, а через несколько секунд в дверях возникла женщина, увидеть которую здесь я, признаться, ожидал меньше всего.

Мириам?

Женщина, чуть смущенно улыбнувшись, присела на край кровати.

Надо же, узнал меня, подтвердила она мою догадку с деланно радостным видом и замолчала, видимо, собираясь с

мыслями.

Вы сегодня без тачки? Почему вы здесь? не мог скрыть я своего удивления столь неожиданным визитом. – То есть, я хочу сказать, что очень рад... И все же?

Мириам чуть заметно пожала плечами.

Ну, во-первых, нам есть о чем поговорить, а во-вторых... больше к тебе прийти все равно некому – твой дед скончался две недели назад – в тот самый день, когда с тобой и Оле произошло несчастье, а отец, хоть ему и сообщили, пока не приехал.

У меня помутилось в голове. Мой дед умер? Мой строгий, суровый дед скончался, не посоветовавшись со мной? Как это могло произойти?

Мириам пояснила:

Он поскользнулся в темноте, на кладбище, и, упав, ударился головой о могильный камень. Утром, когда его нашли, он был уже мертв.

Но что он там делал?

То же, что и обычно – бродил да молился. А может, колдовал...

Понятно.

Мне стало грустно. Чужачество деда все же вышло ему боком. Не от людей суеверных пострадал, но по собственной неосторожности.

Кто его нашел? Кому нужно было спозаранку на кладбище?

Да соседи хоронили накануне свою старуху, а утром сунулись проведать, а он тут и лежит остывший. Неподалеку от того места, где находится могила Оле.

Чья могила?! вскричал я, не веря своим ушам. – Оле?!

Ах ты, Божечки, совсем забыла я, что ты еще не знаешь. Ну да, конечно, без сознания ведь был...

Что Вы там шепчете? Говорите внятно! Оле умер?

Мириам перекрестилась и посмотрела на меня с жалостью.

Оле погиб тогда, и многие уж думали, что и ты с ним вместе...

Да когда же?!

Женщина встала, прошлась по комнате, выглянула в окно, словно ожидая увидеть там кого-то и, не переставая вздыхать, пояснила:

Мне бы тоже не знать подробностей, да нашелся свидетель, который наблюдал за вами обоими в ту ночь, когда вы отправились к Птичьей Скале... Так вот, Оле – да успокоится душа его – явно желал учинить над тобой расправу, сбросив вниз: он чувствовал себя таким униженным и был настолько оскорблен, что вряд ли осознавал, что делает и, несомненно, отказался бы от своего ужасного замысла, если бы дал себе время подумать... Ты правда не помнишь, что было дальше?

Клянусь, что не помню!

Ну, хорошо, хорошо. Так вот, поднявшись на скалу, вы

принялись спорить. Шедший за вами человек первых слов не расслышал, но потом разобрал что-то про предательство. Может быть, будь ты чуть терпимее и веди себя не столь заносчиво, Оле и поостыл бы, а так... Рассмеявшись ему в лицо, ты отвернулся к морю, наверняка не ожидая подвоха, но тот, видя, что ты стоишь почти на самом краю обрыва, не смог совладать со своей вскипевшей кровью и бросился на тебя с явным намерением столкнуть вниз. Тот, кто наблюдал за вами из-за пригорка, вскрикнул от ужаса и ты, в последний момент обернувшись, попытался отпрыгнуть в сторону. Однако было уже поздно: Оле толкнул тебя, и единственное, что ты успел сделать – схватить его за рукав куртки, увлекая за собой в бездну. А она, рыдая, побежала за помощью, хотя и понимала, что сделать уже ничего нельзя...

Постой-постой! Кто – она?

Ах ты, Боже мой... Та, которая все это время наблюдала за вами, кусая губы и... локти. Моя дочь. Йонка.

Ах, вот оно что! Выходит, Мириам и есть та самая мечтательница, грезящая о благах Графства! Откуда ж она, простите, знает о нем? И за что ее так не любил мой умерший дед? Нет-нет, господа хорошие! Все не так просто, как она пытается мне представить, и вовсе не по доброте душевной пришла она сюда!

Ну, и что же произошло потом? Как мне удалось отделаться испугом?

Всему есть объяснение, Ульф, поверь уж мне! в глазах ее

мелькнул лукавый огонек и тут же погас. Когда вас спустя четверть часа выловили рыбаки, Оле был мертв – расшибся о камни, ты же едва дышал. Кстати, напрасно ты думаешь, что отделался одним лишь испугом... Ты уже заглядывал к себе под одеяло?

Ледяная струна напряглась у меня в позвоночнике, и в животе отвратительно заныло. Что там еще у меня может быть? Потянув за край, я стянул одеяло и оторопел: моя правая нога была запакована в огромную гипсовую повязку, не позволявшую мне шелохнуть ею, на месте же левой – О, Боги! – красовалась культия, конец которой был тщательно забинтован. Я не мог поверить своим глазам – с четырнадцати лет я обречен на существование жалкого калеки! Мне не бегать больше по дюнам, не получить профессии, меня будут жалеть, насмехаясь, а в жены мне достанется глухонемая корявая бедняжка, да и то, если повезет... Я проклял свою судьбу и позавидовал участи Оле, который лежит себе сейчас в земле и в ус не дует.

Ну-ну, ну-ну, тихонько приговаривала Мириам, склонившись надо мной и наблюдая мои душевные терзания. – Не отчаивайся, так уж вышло... Я слышала, сейчас искусственные ноги и руки делают, протезами зовутся... Ты должен быть благодарен судьбе и деду, из Графства нельзя выбрать-ся невредимым...

Что?! Откуда ты знаешь? Причем тут дед? Кто ты? заорал я на Мириам диким голосом, на который тут же сбежались

охающие сиделки.

Мириам быстро поднялась и собралась уходить. На прощание она коснулась моего плеча и шепнула:

Когда поправишься, мы вернемся к этому разговору. Не знаю, обрадует ли он тебя, но кое-что интересное я тебе расскажу...

За ней закрылась дверь, и я, захлебываясь в океане отчаяния, остался наедине с монашками и своими тяжелыми мыслями.

XI

Во время моего выздоровления ко мне зашел дедов поверенный и сообщил, что все свое имущество, состоящее, помимо дома в дюнах, в солидной доле нордхаузенской верфи да кое-какой недвижимости в столице, дед оставил мне, переписав завещание буквально накануне своей гибели, а опекуней сего состояния вплоть до моего совершеннолетия назначил Мириам. Мне стало отчасти понятно, почему она решила проявить участие и навести меня здесь, однако же оставалось еще много неясностей, и я не собирался сидеть сложа руки.

Узнав о решении деда, разочарованный отец мой даже не дал себе труда появиться в Нордхаузене, ограничившись сухими поздравлениями, которые он прислал мне письмом. По правде сказать, меня не очень расстроило его поведение, го-

раздо более тягостным было бы для меня видеть его кислую физиономию и выслушивать плоские соболезнования по поводу моей утраченной ноги.

Надо сказать, что с мыслью о физическом увечье я мало-помалу свыкся, и оно не казалось мне вскоре настолько уж судьбоносным. В конце концов, в мире полно людей, находящихся в еще более плачевном положении, я же, по крайней мере, сохранил ясность рассудка, а благодаря дедову наследству смог заказать прекрасный по тем временам протез, который вскоре стал воспринимать как часть моего тела.

Молодость и жизнелюбие сделали свое дело – здоровье мое быстро шло на поправку, и уже через несколько недель я смог подняться на ногу и сделать с помощью протеза первые неверные шаги. Обрадованные сиделки не могли нарадоваться, глядя на мои успехи, доктор одобрительно хмыкал в усы, а навещавшая меня время от времени Мириам не обращалась уж со мной, как с неразумным ребенком, а говорила толково и по делу, в особенности когда это касалось финансов, азам управления которыми меня обучили в школе для будущих наследников. Однажды я заметил в дверях и Йонку, однако разговора не получилось – слишком сильны и болезненны были еще воспоминания о том, во что вылилось наше с ней знакомство. Мы просто смотрели друг на друга некоторое время, после чего я отвернулся, а она ушла. Мириам, наблюдавшая за этой сценой, ничего не сказала, лишь вздохнула и чуть нахмурилась.

Наконец пришло время, когда я смог покинуть больницу. Сестры милосердия – мои добрые монашки – плакали и напутствовали меня от всего сердца, врачебный счет был оплачен, и впереди меня ждало какое-то будущее. С протезом я обращался достаточно ловко, а легкая хромота лишь придавала мне шарма. О возвращении в школу в этом году нечего было и думать, поэтому я решил поселиться в дедовом, точнее сказать, моем наследном доме и провести остаток года в молчаливом самокопании да беседах с Мириам, с которой успел подружиться. Я рассудил, что пауза эта пойдет на пользу и моему здоровью, поскольку для длительных путешествий и городской суеты я все же еще недостаточно окреп.

Наводя в доме порядок, я обнаружил в секретере деда кучу бумаг, большей частью деловых, но и личных. То была переписка старика с младшим сыном – моим отцом, а также с несколькими, живущими в разных уголках планеты, персонажами, которых я впоследствии смог определить как мастеров оккультных наук, в просторечии зачастую именуемых колдунами. Мне стало понятно, каким образом дед приобрел такую странную репутацию в поселке, а также его регулярные посещения кладбища – какой же маг обходится без этого? Однако подробное изучение документов я решил отложить на потом, первым же делом мне хотелось послушать историю, которую обещала рассказать Мириам. Она ничего не имела против, предложив поговорить по дороге на кладбище – могилы деда и Оле мне так или иначе следовало по-

сетить.

Лет двадцать пять тому назад, начала Мириам, когда мы вышли из дома и неспешно направились в сторону кладбищенского холма, я была... очень дружна с одним из сыновей твоего деда, и это был не твой отец... Мы были молоды – нам едва сравнялось пятнадцать, страстны и неудержимы в своем желании быть вместе. Дюны, соленые луга, лес на холме и величественная Птичья Скала – все это было наше; во всей округе, пожалуй, не было ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания места, с которым не были бы связаны наши романтические воспоминания. Мы совсем потеряли стыд и не стеснялись наших отношений, хотя и настроили этим против себя почти все религиозное население нашей общины. Дед твой, к слову сказать, религиозностью не отличался, был погружен в свои честолюбивые замыслы и посматривал на нас скорее скептически, чем осуждающе. Он ничего не говорил нам, но во взгляде, которым он меня время от времени одаривал, читалась насмешка, что обижало меня и обескураживало. Мой друг, правда, советовал не принимать это близко к сердцу – отец-де далек от настоящих чувств, но беззлобен. Я же безоговорочно верила ему во всем.

Однако нашему мимолетному юношескому счастью не суждено было длиться долго. У деда был и второй сын – твой родитель, который вообразил себе, будто любит меня и готов... как это говорят? – за меня бороться. Он был на год

младше своего брата, но таким же рослым и остроглазым, а по части настойчивости и целеустремленности даже превосходил его...

В общем, Вы отдались ему, если я правильно понял? встал я не без ехидства, оставшегося Мириам незамеченным.

Упаси Бог! вскричала она столь искренне, что я ей поверил. – Я слишком любила его брата, чтобы даже думать об этом! Однако, несмотря на мои увещевания, он не сдавался и продолжал настаивать на своем мнимом праве играть первую скрипку. Порой он становился невыносим – подкарауливал меня в дюнах и возле дома, атаковал мою мать просьбами посодействовать ему и даже попытался однажды взять меня силой – благо рыбаки шли мимо и спугнули его. Я не теряла надежды уладить дело миром и не говорила его брату о своих трудностях, дабы не вызвать между ними ссоры. Но так не могло продолжаться вечно, и однажды друг мой узнал о недостойном поведении твоего будущего отца...

Когда Мириам произносила это, мы как раз миновали ворота кладбища с изображенным на них декоративным колоколом и оказались в тени развесистого клена, росшего по ту сторону забора. Не скажу, что я не люблю кладбищ – они, как правило, оставляют меня равнодушным, но в этот момент какое-то мутное, близкое к тошноте чувство охватило меня, словно кто-то внезапно надел мне на голову мешок с мошкаррой. Мне стало тяжело дышать, сердце забилося с удвоенной силой и непонятная, никогда мною доселе не испытываемая

тоска перехватило мне горло. Я остановился.

Что случилось? насторожилась Мириам, заметив перемену в моем состоянии.

Нет, ничего... Показалось.

Точно?

Точно.

Мне и в самом деле стало лучше, так что, отдышавшись, я смог вновь сосредоточиться на рассказе моей спутницы, открывавшей мне глаза на историю моей семьи.

Так вот, продолжала она, друг мой вознегодовал настолько, что вздумал задать взбучку младшему братцу прямо на виду у всего народа. Я принялась отговаривать его – что подумают люди? Но он был неумолим, и единственное, что мне удалось, это убедить его не устраивать цирка в поселке, а поговорить с братом дома или где-нибудь еще, подальше от глаз. Он не желал устраивать разборки при отце, спокойствие которого оберегал, и назначил тому встречу на вершине Птичьей скалы. Твой папаша, струхнув, попытался было отговориться, но этот назвал его трусом, и дело было решено. Поздно вечером, когда риск натолкнуться на кого-то из рыбаков, могущих проявить любопытство, был невелик, братья сошлись на Птичьей Скале для серьезного разговора, как мне тогда казалось. Не скажу, что ситуация совсем не беспокоила меня, но я втайне радовалась тому, что развязка близка и твой отец наконец-то оставит меня в покое. Я, подобно Йонке, прокралась за ними на скалу, но, к ужасу

моему и сожалению, не смогла ничего сделать. Развязка, как оказалось, и впрямь была близка, но какая! Жених мой, разгорячившись, ударил брата в лицо, а тот, обезумев, бросился на него и столкнул со скалы. До сих пор стоит у меня перед глазами балансирующий на краю пропасти Хегле и обреченность, застывшая в его глазах...

Мириам подняла лицо к небу, пытаюсь не дать воли слезам. Я же был потрясен:

Как?! Как ты сказала?! от переполнявших меня чувств я совсем забыл, что до сих пор использовал при общении с ней вежливую форму обращения. – Хегле?

А что, ты не знал, как звали твоего погибшего дядю? в свою очередь удивилась Мириам.

Н-нет... только сейчас я подумал, что и впрямь ни разу в жизни не поинтересовался его именем. У меня закружилась голова, и я сел на первый попавшийся памятник. – Послушай, Мириам, а... в чем был одет твой Хегле в момент смерти?

Одет? переспросила она с удивлением. – Ну... как всегда, в матросскую куртку да серые штаны. В ней его и хоронили – так захотел его убитый горем отец. Правда, при падении он сломал себе шею, да так, что через кожу выступили раздробленные позвонки, и воротник его куртки пришлось высоко поднять, чтобы хоть как-то скрыть этот ужас... Кстати, мы уже пришли и ты сидишь как раз на его могильном камне.

Я вскочил и осмотрел памятник. Серый, невзрачный и ни-

чем не примечательный, он, тем не менее, вызвал во мне жуткие воспоминания.

«...как только Графиня наденет тебе на голову венок из тубероз, ты сможешь тут поселиться вместе со мной. Да-да, думаю, так и будет...» сказал мне тогда Хегле. Но он ошибся: кто-то вмешался и изменил мою судьбу, отсрочив мое к нему «подселение».

Я огляделся. Совсем свежая, увенчанная небольшим временным крестом могила моего деда находилась тут же, рядом — и в смерти отец не захотел оставлять своего сына в одиночестве... Так это что же, выходит, что именно он порывался проникнуть в Графство и сердил грозную Графиню?

Скажи, Мириам, а где же могила моей бабки, дедовой жены? Она ведь, насколько я знаю, не надолго пережила своего старшего сына?

Верно. На четыре дня. Убитая горем, женщина в одиночку поднялась на злосчастную Птичью Скалу и бросилась с нее вниз, в объятья смерти. Но, как ты помнишь, самоубийцам нет хода на христианское кладбище, и ее похоронили за оградой, в овраге. Ни дед, ни кто-либо другой не смогли повлиять на решение священника, и она стала, так сказать, изгоем...

Я вспомнил печальную фигуру, вышедшую из туманной арки и обнявшую Хегле. Так вот, значит, о каком преступлении матери говорил он мне...

Мириам продолжила:

Я хожу и туда, присматриваю за могилой... Как-никак, в ее смерти есть и моя вина.

Твоя вина? Но ты-то тут при чем?

Женщина пожала плечами:

Дед твой был убежден, что, не будь меня, его старший сын был бы жив. Поначалу я не поняла этого, но, встретившись с ним взглядом на похоронах, испугалась. После я предприняла попытку помириться с ним, но тщетно... Он назвал меня убийцей и велел не попадаться ему на глаза. Я выполнила его приказание, но запретить мне приходить на могилу к Хегле он не мог. И позже, выйдя замуж, я не простила себе той истории и продолжала ходить сюда... Помнишь, как ты встретил меня у ворот и мне пришлось солгать тебе?

Почему ты это сделала?

Не знаю. Ты так похож на Хегле, что я растерялась.

Вот как?

Это мне никогда не приходило в голову, но теперь, когда я мысленно представил себе своего недавнего знакомого, мне показалось, что у нас и вправду есть что-то общее, во всяком случае, что касается внешности.

После смерти сына и жены твой дед сильно изменился: он замкнулся в себе, отошел от активного управления делами и завел странные, с точки зрения местных жителей, знакомства. Он получал письма с диковинными марками, пропадал где-то по несколько месяцев, а однажды даже принимал у себя господина столь странной наружности и поведения, что

я не знала, что и думать. Младшим своим отпрыском он в это время совсем не занимался, пустив его воспитание на самотек, и многим даже казалось, что он возненавидел сына. Ни для кого не было секретом, что Хегле являлся любимым дитятей и наследником своего отца, и кое-кто даже рискнул предположить, не подстроил ли младший отпрыск кончину брата, чтобы в будущем завладеть наследством... Впрочем, о том, как на самом деле погиб Хегле, знали лишь твой дед да я – после случившегося я сдуру рассказала ему все, и он, уберегая оставшегося в живых сына от законного возмездия, велел мне молчать, пригрозив, что в противном случае сломает мне шею, да так, что никакой поднятый воротник не поможет...

И ты молчала?

А что мне оставалось делать? Суровый нрав этого человека был всем известен. А уж после того, как он увлекся темными науками да начал каждый день посещать кладбище, с ним и вовсе никто не хотел связываться. Я более не решалась заговорить с ним, но, не стану скрывать, его оккультная деятельность меня заинтересовала: я вообще не очень-то умная, а тут еще увидела возможность через деда войти в контакт с моим Хегле и убедиться, что он не винит меня в своей гибели...

Женщина улыбнулась и искоса посмотрела на меня, ожидая реакции. Я молчал. В это самое время мы проходили мимо двух могил, с которых началось захоронение нового

участка – совсем свежей, на которой значилось имя и даты жизни какой-то древней старухи, и постарше, находившейся в тени небольшого деревца. «Старый датчанин», – прочел я на кресте и задумался.

Как-то раз, в сумерках, вновь заговорила Мириам, я подслушала разговор деда с кем-то невидимым. Со стороны могло показаться, что старик спятил, но что-то подсказало мне, что это не так. Он расспрашивал своего собеседника о некоем Графстве и не уставал восторгаться прелестями тамошнего существования. Затем он вдруг застонал от боли и даже, кажется, на несколько секунд потерял сознание, однако вскоре пришел в себя и понуро побрел в поселок. Впоследствии такое случалось неоднократно, и у меня сложилось впечатление, что те, с кем он пытается вступить в контакт, не очень-то хотят этого. А, поскольку в моих глазах он был злым человеком, я сразу наделила Графство и его обитателей всевозможными достоинствами, а однажды, забывшись, расписала их Йонке... Она рассказала мне о том, как Оле высмеял ее за пересказ моих глупостей, и я посоветовала ей держать язык за зубами.

Да... Бедный дед, я чувствовал, что должен что-то сказать, дабы не показаться невнимательным. – Жаль, что ему так и не удалось добиться своего...

Ты так думаешь? с сомнением в голосе отреагировала Мириам. – А мне кажется, что, если бы его роковая попытка провалилась, ты лежал бы сейчас рядом с Хегле.

Я молчал. Мне и самому так казалось, и я уже почти связал все кусочки моих воспоминаний воедино.

Послушай, Ульф... осторожно начала бывшая невеста моего дяди. А ты ведь и вправду побывал в Графстве?

Да, *одной ногой*, как сказал твой возлюбленный, я с усмешкой оглядел свой протез.

Что мне сделать, чтобы убедить тебя рассказать мне все?

Просьба прозвучала несколько странно, и я недоуменно воззрился на Мириам.

Что сделать? Просто сидеть и слушать, сказал я, увлекая ее за локоть к ближайшей кованой скамейке в старой части кладбища, где еще с позапрошлого века хоронили в склепах-особняках, что так удивили меня в Графстве.

Следующие сорок минут Мириам лишь слушала, не задавая вопросов, а, когда я закончил, грустно заметила:

Выходит, он все же винит меня...

Во всяком случае, он тебе верен, сделал я неуклюжую попытку утешить ее.

Она усмехнулась.

Да уж... Ну, а ты понял теперь, кто был тот человек, что отмолил тебя у Графини, заняв твое место?

Я молча кивнул, и она подвела черту:

В тот самый момент, когда вы с Оле летели вниз с Птичьей Скалы, он нашел-таки подход к Графине и, оступившись и ударившись головой о камень, заменил тебя в смерти...

На время...

Да, твой венок она сохранит.

Мы вышли с кладбища. В воротах с ненастоящим колоколом, чей звон когда-то возвещал о начале церемонии моего посвящения, я остановился и оглянулся.

Хочешь что-то кому-то сказать? спросила Мириам.

Да, ответил я и шепотом крикнул:

Эй, Датчанин! Я вернусь, чтобы срубить акацию, раз уж ты так любишь закат!

Эпилог

С тех пор прошло много лет. Так много, что дом моего деда совсем обветшал, и не одно поколение местных жителей сменилось. Добрая Мириам давно сошла в могилу, а за ней и Йонка, долгие годы бывшая моей земной спутницей. Лишь вечное море, дюны да моя память остались неизменными.

Я сейчас надену себе на голову этот старый, дождавшийся меня венок из тубероз и шагну вниз с Птичьей Скалы, на западном склоне которой, как и прежде, гнездятся крикливые чайки. Шагну не в морскую пучину, не на острые, выступающие из воды камни, но туда, где не знают времени, где царят покой и справедливость, где ждут меня мой многострадальный дед и вечно молодой брат моего отца, где вечно правят бесстрашные, верные своему долгу Граф Недуг и Графиня Гибель. Я брошусь с обрыва ночью, и священник, уверенный в моей набожности, непременно сочтет мою смерть несчаст-

ным случаем и не сделает меня изгоем, как мать несчастного Хегле.

29.03.2012

Он позвонит

Сабина еще раз встревожено посмотрела на циферблат висящих над камином часов и убедилась, что равнодушные позолоченные стрелки почти совсем не движутся. Их словно парализовало, и Сабина, покачнувшись от нового приступа тошнотворной тревоги, продолжила мерить гостиную быстрыми суетливыми шагами. Понимая, что пользы от этого занятия немного, она все же боялась остановиться, чтобы не разрыдаться и не впасть в истерику, до конца испортив себе тем самым праздник. В конце концов, возможно, что ничего страшного и не произошло, и ее муж, Ник Легато, сможет объяснить эту свою немыслимую задержку. Жаль, конечно, что ему пришлось уехать накануне дня рождения Сабины и заставить ее нервничать, но что поделать, если такова служба? Если ты не стоишь на самом верху служебной иерархии, то твое мнение и твои желания мало кого интересуют. А уж тем более такие ничтожные обстоятельства, как праздник твоей жены. Это так, и роптать бессмысленно.

Впрочем, никаких особенных празднеств и не планировалось, а приглашенных, как всегда, было всего двое – чета Буони, старинные друзья, которые вот уже час, как пришли и вместе с ней дожидаются запропастившегося куда-то Ника. Праздничного настроения за это время у всех порядком прибавилось, и Паоло Буони уже дважды успел сделать за что-

то замечание своей жене Франческе, чье веселое поначалу щебетание становилось все более нудным. Поведение Паоло было понятно – он стеснялся до прихода Ника откупорить бутылку и очень нервничал из-за того, что все еще трезв, Франческа же просто быстро выдохлась, как и все глупые женщины.

Начался сегодняшний день просто замечательно. Сабина долго спала и, когда в четверть восьмого первый раз позвонил Ник, с ужасом обнаружила, что все еще находится в постели. Накануне она добрых полчаса провела за составлением списка дел на сегодня, который вышел довольно объемным, а посему валяться так долго было просто непозволительно. Она была рада, что муж позвонил и выдернул ее из бессознательного состояния.

Отправившись вчера по служебным делам на север Норвегии, где его фирма пыталась что-то не то продать, не то купить, он звонил ей теперь, чтобы сообщить, что завершил свою миссию и возвращается. Мало того, его внедорожник уже преодолел первую сотню километров пути по дикой лапландской дороге и достиг небольшого аэродрома где-то в районе Гломфьорда (название населенного пункта ни о чем Сабине не говорило), откуда маленький двухмоторный самолет доставит его к трапу большого воздушного лайнера, который, в свою очередь, домчит Ника к ней.

В общем, раньше семнадцати часов ждать его не следо-

вало, однако это обстоятельство вполне устраивало Сабину, которой предстояло еще сделать множество вещей и позаботиться о тысяче мелочей, важность которых могут понять только женщины. Целый день у нее не будет времени на скуку: парикмахер, визажист, маникюрша и, наконец, визит в бутик, где она надеялась подобрать себе подходящий подарок по случаю сорокадвухлетия, отнимут, безусловно, уйму времени, да еще надо забежать ненадолго к тетке и позаботиться о продуктах для вечера, который они проведут, как всегда, с друзьями. Главное – не забыть дома мобильный – Ник наверняка еще позвонит! Да, он позвонит.

И действительно – в десять часов, когда она, прикрыв глаза и млея от теплой ласки струящейся по ее голове воды, сидела в уютном кресле перед блестящим чистотой «тюльпаном» дорогой парикмахерской, Ник вновь дал о себе знать. Ох, уж эти мужья! По их мнению, весь мир кружится вокруг них самих, и их звонки, равно как их сексуальные притязания, просто не могут оказаться некстати!

Потянув из висящей на спинке кресла сумочки мобильник, она неловко повернулась, и капли струящейся из тонкого змеистого шланга воды попали-таки ей за шиворот, несмотря на все воздвигнутые услужливой синеволосой девицей-парикмахером преграды, и заставили Сабину досадливо поморщиться. Перепуганная девица тут же прекратила всякие действия по мытью Сабининой головы и замерла в нерешительности и ожидании дальнейших распоряжений, а

то и упреков.

Ник! Где ты? – почти выкрикнула в трубку Сабина, за напускной радостью пытаюсь скрыть раздражение.

Привет, милая. Полет на этой развалине прошел успешно и я уже в настоящем аэропорту. Представляешь, кроме меня, пилота и еще одного малого в этом корыте никого не было.

Как это? – Сабину не очень интересовали эти подробности, но она старалась быть вежливой.

Так уж вышло! Да и место мне досталось, так сказать, почетное. В общем, часа через полтора я буду в самолете, и вскоре ты меня увидишь. О'Кей?

Голос Ника звучал чуть приглушенно и как-то... чересчур ровно, без свойственных ему залиvistых эмоциональных модуляций, словно он старался сдерживаться в присутствии кого-то, о ком ей не следовало знать. Впрочем, принимая во внимание разделяющее их расстояние, не было ничего удивительного в том, что связь была не очень хорошей, и Сабина отмела возникшие было подозрения, к которым всегда готова любая неуверенная в себе женщина, поспешив ответить:

Конечно, дорогой, жду тебя с нетерпением. Кстати, откуда ты звонишь? Из автомата?

Высветившийся на табло мобильного номера был ей незнаком. Он состоял сплошь из одних лишь семерок и четверок и казался ненастоящим, что часто случается при звонках с заграничных таксофонов.

После некоторого молчания Ник пробурчал что-то нечленораздельное и отключился. Должно быть, аванс в таксофоне закончился.

Обиженно посмотрев на мобильник, Сабина сунула его обратно в сумочку и велела безучастно стоящей рядом девушке продолжать процедуру. Та, громко щелкнув пузырем из жевательной резинки, вновь взялась за шланг.

В суете да хлопотах время бежит быстро. Час за часом исчезают в молочной зыби прошлого, а уж о минутах и речи нет – их короткая жизнь и вовсе проходит мимо нас.

Увлеченная суматошной городской гонкой, Сабина не заметила, как миновал полдень, даже не напомнив о себе желанием пообедать, а также и следующие три часа, в течение которых покупательский азарт и радостное праздничное возбуждение не покидали ее.

Когда в начале четвертого зазвонил телефон и Ник усталым голосом сообщил ей, что прибыл в аэропорт родного города, она не поверила:

Не может быть, дорогой! Мы ведь совсем недавно разговаривали! Тебя доставили баллистической ракетой?

Однако, глянув на большие уличные часы, мимо которых она как раз проходила, Сабина смутилась:

Ох, ну надо же! Четверть четвертого, а я и сделать еще ничего толком не успела. Ну, как долетел? Не трясло?

Нет, не трясло, родная, только шумно очень было – слиш-

ком близко к двигателям меня разместили. А так все в порядке, доставили без проблем. Сейчас предстоят еще кое-какие багажные формальности, и поедem в город. Не скучаешь?

Скучаю, ты же знаешь, солгала Сабина, которая, хоть и нежно относилась к супругу, соскучиться не успела. – Приезжай уже побыстрее, я жду. Скоро придут Буони.

Боюсь, от меня это теперь не зависит, но я постараюсь. До встречи!

Лишь отняв трубку от уха, Сабина заметила, что номер, с которого звонил Ник, был тот же, что и в предыдущий раз – странная мешанина из семерок и четверок, словно он прихватил с собой таксофон из далекого норвежского города. Что за черт! Или он подключился к какой-то лапландской телефонной компании? Зачем это ему?

Быстро купив продукты – благо, список был составлен заранее и не пришлось мучиться выбором, – она вернулась домой и только тут поняла, что ужасно хочет есть. Голод, который она весь день не ощущала, скулил визгливым щенком и царапал стенки желудка, настаивая на своих правах. Похватав из холодильника все подряд, Сабина переделалась и, приняв душ, приступила к самому приятному – неспешному приготовлению экзотических яств, рецепты которых она заранее разыскала на бескрайних просторах интернета, и накрыванию овального стола в гостиной на четыре персоны. Они с Ником не любили шумных компаний, и все их малень-

кие праздники проходили в узком кругу, как правило – в обществе четы Буони. Паоло и Франческа хоть и не принадлежали высшему обществу, но были приятными ненавязчивыми людьми, чья компания не утомляла.

Пока она хозяйничала на кухне, неугомонный Ник успел позвонить еще раз. Впрочем, в том, что он позвонит, она и не сомневалась, а его забавный новый телефонный номер знала теперь наизусть, что и немудрено при его очевидной несложности. Нажав на зеленую трубочку соединения, она попыталась изобразить ворчливость:

Ну, все никак не доедешь? Вместо того чтобы отвлекаться и терзать телефон, следил бы лучше за дорогой! Ведь ты в машине? – справилась она на всякий случай, хотя ей был хорошо слышан звук мотора.

В машине, Сабина, но не в своей. Тут... В общем, я не мог забрать мою машину со стоянки в аэропорту, и тебе придется потом это сделать.

Что значит, не мог? И почему это мне придется?

Ник говорил загадками, и Сабине это не нравилось. У него проблемы? Так почему не расскажет? Ерунда какая-то... На Ника это совсем не похоже.

Связь прервалась. Наверняка этот мерзавец просто отключился, чтобы не отвечать на ее вопросы. Но, как бы там ни было, скоро он будет дома и она устроит ему «допрос с пристрастием».

Она почти закончила свои приготовления, но мужа все не

было. С последнего их разговора миновал уже час, и время, бредущее теперь еле-еле, с каждой минутой все больше наплевало сердце сорокадвухлетней хозяйки дома тревогой. Где он запропал, в конце концов? Сабина даже попробовала позвонить по «лапландскому» номеру, как она для себя окрестила странный набор цифр, высвечивавшийся на табло ее мобильного при сегодняшних звонках Ника, однако металлический голос электронной девицы поведал ей, что этого номера не существует. Не существует? Они что там, сговорились пудрить ей мозги?! Снова и снова набирала она противные семерки и четверки, и раз за разом слышала один и тот же издевательский ответ автомата. Быть может, это новая шутка Ника по случаю ее дня рождения? А что, вполне в его духе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.